

Представители врачебнаго искусства въ древніе и средніе вѣка*).

Личность врача, его идеалы и промахи во врачебномъ искусствѣ представляютъ собою весьма интересную и поучительную страницу въ исторіи человѣческой культуры. Фигура врача Человѣческихъ немощей и страданій на протяжении многихъ тысячелѣтій подвергалась различнымъ метаморфозамъ и, какъ въ калейдоскопѣ, принимала извѣстные оттѣнки и очертанія, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ міропониманій и умозрѣній, создаваемыхъ разнообразными жизненными условіями каждой данной исторической эпохи. Въ одни историческіе моменты мы находимъ, что врачи Человѣческихъ недуговъ были окружены блестящимъ ореоломъ славы, почестей и глубокаго уваженія; пользовались всѣми благами житейскаго благополучія и примыкали къ виднѣйшимъ сословіямъ и элементамъ Человѣческаго общества; а въ другія эпохи мы наоборотъ встрѣчаемъ, что врачи и ихъ профессія носили на себѣ торгово-ремесленный характеръ со всѣми его моральными дефектами, служили предметомъ недоразумѣній, издѣвательства и порицанія, а по временамъ даже подвергались преслѣдованіямъ, гоненіямъ, выражавшимся въ формѣ изувѣрскихъ изступленій и жестокихъ казней.

Само собою разумѣется, что въ одномъ краткомъ очеркѣ едва ли представляется возможность изобразить полную картину и сдѣлать подробную характеристику той исторической эволюціи и всѣмъ тѣмъ перипетіямъ, черезъ которыя прошла участь представителей врачебнаго искусства. Въ силу этого, конечно, я позволю себѣ въ сегодняшнемъ годич-

*) Рѣчь, произнесенная въ годичномъ засѣданіи Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 22 января 1915 г.

номъ засѣданіи нашего общества лишь только отмѣтить нѣкоторые краткіе штрихи и болѣе или менѣе выдающіеся факты по данному вопросу, въ связи съ главнѣйшими фазами и этапами общечеловѣческой исторіи.

Насколько извѣстно по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, полученнымъ при археологическихъ раскопкахъ, первоначальной родиной нашихъ знаній и культуры считается Месопотамія, или Вавилонско-Ассирійская область, называемая въ Библии страной Халдеевъ. Первые обитатели этой страны Сумерійцы и, заступившіе потомъ ихъ мѣсто, Халдеи обладали значительными, достойными нашего удивленія, математическими свѣдѣніями, поражающими своей научностью, не утратившей своей цѣнности и до настоящаго времени. Халдеи, повидимому, умѣли читать обширную и многосложную книгу природы. Раздѣленіе круга, опредѣленіе мѣръ и вѣсовъ, арифметическій рядъ чиселъ, лѣтосчисленіе, движеніе планетъ — все это было извѣстно Халдеямъ. Въ Вавилонскомъ Талмудѣ, напр., ученость раби-Самуила характеризуется тѣмъ, что онъ зналъ пути движенія небесныхъ свѣтилъ также хорошо, какъ улицы своего родного города Нагардои. Судя по отрывкамъ глиняныхъ таблиц Сарданапала и по другимъ болѣе новѣйшимъ археологическимъ изслѣдованіямъ и открытіямъ, врачебное искусство у Халдеевъ достигло также нѣкоторой степени развитія. Ученые наблюдатели небесныхъ свѣтилъ стремились работать также и у постели больныхъ; и подъ вліяніемъ своихъ астрономическихъ занятій посвящали извѣстное вниманіе прогностикѣ, то есть отыскиванію связи между движеніемъ планетъ и теченіемъ людскихъ болѣзней. Что Халдейскіе врачи пользовались также извѣстнымъ положеніемъ въ своей странѣ видно изъ того, что во времена Гамураби (2200 лѣтъ до Р. Х.) существовали уже у Халдеевъ законы, регулировавшіе дѣятельность врачей, были даже установлены извѣстныя нормы для врачебнаго гонорара. Но при этомъ нельзя не отмѣтить, что общій характеръ врачебнаго дѣла за весь древнѣйшій періодъ чело-вѣческой исторіи носилъ на себѣ отпечатокъ того религіозно-мистическаго міросозерпанія, которое господствовало у этихъ народовъ по отношенію ко всѣмъ фактамъ и явленіямъ, совершающимся въ природѣ. Религіозный культъ этой исторической эпохи выражался въ обожествленіи окружающей природы. Всякое непонятное и малоизвѣстное явленіе при-

роды, а въ особенности болѣзни связывались и олицетворялись отдѣльными божествами. Въ представленіяхъ о болѣзняхъ и объ искусствѣ ихъ врачеванія всегда фигурировали различные миѳическіе боги. Низшаго порядка боги, или злые духи, переселялись въ организмъ человѣка и причиняли ему болѣзни, а другіе боги самолично распоряжались леченіемъ. По этимъ теургическимъ воззрѣніямъ врачи и боги представляли собою синонимы. Такимъ образомъ древнѣйшее врачебное искусство не имѣло ни клерикальнаго ни свѣтскаго характера, а всецѣло сосредоточивалось въ вѣдѣніи однихъ только миѳическихъ боговъ.

Въ болѣе близкія къ намъ эпохи древней исторіи роль миѳическихъ боговъ-врачевателей замѣнялась и выполнялась ихъ земными представителями, т. е. жрецами. Въ силу той интимной связи, которая создавалась тогдашнимъ міросозерцаніемъ между языческими богами и ихъ представителями на землѣ, жрецы считались единственными врачевателями человѣческихъ недуговъ. Другихъ дѣятелей по врачебной профессіи изъ мірянъ вовсе не было. Отъ сліянія этихъ двухъ функцій богослужебной и врачебной въ одномъ и томъ-же лицѣ получались весьма благопріятныя и не безвыгодныя условія для самихъ врачевателей. Служители алтаря, завѣдывавшіе тогда всѣми человѣческими знаніями, а также и врачеваніемъ болѣзней, пользовались огромнымъ авторитетомъ и почетнымъ положеніемъ среди народныхъ массъ, всегда находились въ близкихъ сношеніяхъ съ царствующими особами и властителями, какъ напримѣръ въ Индіи жрецы-врачеватели причислялись къ высшей кастѣ браминовъ. Но особенно выдающимся положеніемъ пользовались жрецы-врачеватели у древнихъ Египтянъ. Египетскіе врачи и санитарныя условія богатой плодородной страны Фараоновъ были предметомъ особеннаго вниманія и изученія со стороны историковъ и мыслителей классической Греціи.

Несмотря на то, что греки, собственно говоря, вступили въ связь и сношенія съ Египтомъ далеко не во время расцвѣта его культуры, а въ періодъ ея распада (въ 7 вѣкѣ до Р. Х.); но все таки импозантныя пирамиды, блестящія архитектурныя постройки, разработанныя въ стилѣ строго математической техники, разнообразная письменность по различнымъ отраслямъ знанія, по религіозной философіи, наукѣ и поэзіи—все это свидѣтельствовало о той высокой куль-

турѣ, которой достигли Египтяне за 3—4 тысячелѣтія до Р. Х. и которая производила на греческихъ писателей глубокое впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, Гомеръ въ Одиссеѣ (IV — § 228—232) восхваляетъ Египтянъ и говоритъ, что каждый Египтянинъ врачъ и что Египтяне своимъ опытнымъ знаніемъ превосходятъ всѣхъ людей. Геродотъ выражается о Египетской медицинѣ слѣдующимъ образомъ: „Несмотря на то, что Египетъ можетъ считаться самой здоровой страной, все таки тамъ имѣется очень много врачей“. Діодоръ рассказываетъ, что Персидскіе цари Киръ и Дарій приглашали къ себѣ Египетскихъ врачей, такъ какъ они пользовались особенной извѣстностью. Далѣе онъ рассказываетъ, что Египетскіе врачи пользовали воиновъ и путешественниковъ безмездно, такъ какъ они получали жалованье отъ государства. Египетскіе жрецы-врачеватели пользовались высокимъ почетнымъ положеніемъ среди всего населенія. Работая отъ имени боговъ, Египетскіе врачи въ матеріальномъ отношеніи были вполне обеспечены, освобождены отъ всѣхъ податей и налоговъ, располагали всѣми жертвоприношеніями и доходами, которые обильно сыпались въ храмы боговъ, получали дары въ формѣ пластическихъ органовъ, выдѣланныхъ изъ драгоценныхъ металловъ. Несмотря однакоже на свое выгодное положеніе, Египетскимъ врачамъ нерѣдко приходилось испытывать на себѣ тяжелыя условія въ своей профессиональной дѣятельности. Такъ какъ Египетская медицина представляла собою отрасль религіознаго культа и сосредоточивалась въ жреческихъ коллегіяхъ, завѣдывавшихъ лечебнымъ дѣломъ во всей странѣ, то врачеватели, въ своихъ пріемахъ и способахъ леченія больныхъ, подлежали строгому надзору и контролю со стороны жреческой іерархіи, абсолютно властвовавшей надъ умами всѣхъ врачей. Свободное самостоятельное мышленіе и вообще какія-либо лечебныя инициативы, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ индивидуальнымъ случаямъ болѣзней, никоимъ образомъ не допускались. Врачи въ своей практикѣ обязаны были строго и точно держаться тѣхъ шаблоновъ и способовъ леченія, которые имъ диктовались жреческими мистеріями, и только тогда они избавлялись отъ всякой отвѣтственности за исходъ своего леченія. Если же врачи позволяли себѣ малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ, кодифицированныхъ пріемовъ леченія, то они рисковали тѣмъ, что при летальномъ исходѣ у пользующихся больныхъ могли

сами подвергаться осужденію на смертную казнь. Что Египетскіе врачи были лишены въ своей дѣятельности всякой самостоятельности видно уже отчасти изъ того, что въ разобранныхъ папирусахъ Эберса, Бругша и другихъ описывается только существованіе извѣстныхъ медицинскихъ школъ въ Мемфисѣ, Фивахъ и другихъ, но ничего тамъ не упоминается о какихъ либо отдѣльныхъ выдающихся врачахъ. У Египтянъ, какъ и у другихъ народовъ отдаленной древности, медицина имѣла метафизическій сверхъземной характеръ и всецѣло комбинировалась съ идеями политеизма. Почти всѣ предметы и явленія въ природѣ олицетворялись какимъ-либо специальнымъ божествомъ: Богъ солнца (Ра), богъ луны (Тахъ), богъ врачей (Ибисъ) и т. п. Послѣднему приписывалось то, что онъ научилъ человѣчество примѣненію клистира. Птицеобразный богъ Ибисъ набиралъ въ своемъ длинномъ клювѣ морской воды и вливалъ ее въ anus. Египетская медицина дробилась на многія специальности по отдѣльнымъ частямъ организма. Каждый органъ имѣлъ свое специфическое божество и специфическое леченіе, напоминающее нѣкоторымъ образомъ нашу современную органотерапію.

Въ силу существовавшего обычая бальзамировать трупы умершихъ, одно время господствовало мнѣніе, что у Египтянъ будто-бы процвѣтали анатомо-физиологическія знанія; но новѣйшими археологическими изслѣдованіями папирусовъ доказано, что процедура бальзамированія имѣла чисто ремесленный характеръ и нисколько не способствовала развитію знанія о строеніи и функціяхъ организма человѣка. Гиртль въ своей анатоміи, по этому поводу, высказалъ, что отдѣльныя анатомическія наблюденія, къ которымъ давали поводъ убіеніе животныхъ для жертвоприношенія, бальзамированія труповъ, не могутъ быть названы наукой. Люди, занимавшіеся въ Египтѣ бальзамированіемъ труповъ, были также мало свѣдущи въ анатоміи, какъ самъ простой народъ, который даже преслѣдовалъ бальзамирщиковъ, какъ палачей, по окончаніи каждой бальзамировки. (Гиртль, Руководство къ анатоміи человѣка ст. 24—25).

Необходимо здѣсь отмѣтить, что древняя медицина вообще не имѣла представленія о сущности болѣзненныхъ процессовъ въ современномъ анатомическомъ смыслѣ. Анатомическое пониманіе болѣзней не было доступно потому, что о самомъ строеніи человѣческаго организма имѣлось весьма

смутное представленіе и это отсутствіе анатомическихъ знаній отражалось на другихъ отрасляхъ архаической медицины. Физиологическія понятія о функціяхъ организма носили на себѣ чисто спекулятивный характеръ и строились на весьма отдаленныхъ аналогіяхъ между отправленіями организма и всѣми другими таинственными явленіями окружающей природы. Діагностика сводилась къ наименованію и перечисленію тѣхъ или другихъ симптомовъ болѣзней. Въ понятіяхъ объ этиологіи и патогенезѣ отводилось много мѣста различнымъ религіозно-мистическимъ и суевѣрнымъ представленіямъ. Болѣзни рассматривались, какъ отдѣльныя самостоятельныя существа, переселяющіяся извне въ организмъ человѣка въ формѣ злыхъ духовъ или демоновъ. Но зато терапия составляла главнѣйшій элементъ Египетской медицины и отличалась своей богатой и сложной полипрагмазіей. Ученые жрецы заносили въ свои рецептурныя книги, хранившіяся въ мистеріяхъ, всѣ накопившіяся у нихъ свѣдѣнія по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи и широко примѣняли ихъ въ дѣлѣ леченія болѣзней. Богатое фармацевтическое сокровище переплеталось и смѣшивалось при леченіи разными религіозными приемами въ формѣ молитвъ, наговоровъ и заклинаній. Всѣмъ фармацевтическимъ препаратамъ, микстурамъ, настойкамъ, травамъ и мазямъ приписывалось божественное происхожденіе, и эти лекарственныя средства, вѣроятно, и производили на больныхъ извѣстное суггестивное вліяніе. Но гораздо больше, чѣмъ фармакотерапія, заслуживаетъ нашего вниманія гигиена и профилактика Египтянъ. Различныя храмовыя надписи и папирусы, разобранные лопатой и лупой археологовъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что гигиенической образъ жизни Египтянъ, по отношенію къ пищѣ, одеждѣ, жилищу, физическому труду, сексуальнымъ отправленіямъ, кормленію и воспитанію дѣтей, былъ въ высшей степени нормированъ и, благодаря долгому эмпирическому опыту, кодифицированъ законами и правилами, инспирированными Египетскому населенію отъ имени боговъ. Чистота и умѣренность были главными лейтмотивами Египетской гигиены и за соблюденіе этихъ правилъ сулилась долгая и счастливая жизнь.

Конечно, свѣдѣнія о Халдейско-Египетской медицинѣ имѣются у насъ въ довольно отрывочномъ видѣ, но фактъ остается неоспоримымъ, что главные принципы этой древнѣйшей медицины легли въ основу и послужили исходнымъ

пунктомъ для послѣдующаго развитія врачебно-гигіеническихъ воззрѣній, о которыхъ можно судить по дошедшей до насъ Библейско-Талмудической письменности древнихъ евреевъ.

Что законодательство Моисея обязано своимъ происхожденіемъ Египту, мы читаемъ въ исторіи Апостоловъ (глава VII, ст. 22), гдѣ говорится, что Моисей былъ наученъ всей мудрости Египтянъ и былъ силенъ въ словахъ и дѣлахъ. Философъ Александрійской эпохи Филонъ, на основаніи древнихъ традицій, также утверждаетъ, что Моисей воспитывался при дворѣ Фараоновъ Египетскими и Халдейскими мудрецами. Но величайшій законодатель превзошелъ своихъ учителей. Всю сумму знаній, которую Моисей приобрѣлъ въ таинственныхъ сферахъ жреческой касты, онъ стремился сдѣлать общимъ достояніемъ не только своего еврейскаго народа, но и живущихъ въ его средѣ пришельцевъ, инородцевъ и рабовъ, для ихъ благоденствія на землѣ, о чемъ многократно оговаривается при изложеніи всѣхъ законовъ, въ Библии—въ этой книгѣ всѣхъ народовъ, какъ называлъ ее Гете.

Въ 3-ей книгѣ Ветхаго Завѣта (гл. 13—15) мы находимъ цѣлую серію, профилактическаго содержанія, законовъ, направленныхъ къ охраненію здоровья, какъ отдѣльнаго человека, такъ и народной массы. Здѣсь перечисляются различныя кожные заболѣванія съ дифференціальнымъ указаніемъ ихъ заразительности. Для предупрежденія распространенія заразныхъ болѣзней предписывается не только строгая изоляція больныхъ, но и дезинфекція одежды, жилыхъ помѣщеній до сожженія зараженныхъ шатровъ включительно. Законы эти по своему раціональному смыслу не уступаютъ воззрѣніямъ нашей современной науки. Далѣе встрѣчаемъ рядъ правилъ, соблюденіе которыхъ требуется при менструаціи, при условіяхъ вступленія въ брачную жизнь, во время родильнаго періода; рядъ запретовъ аномальныхъ половыхъ отправленій. Всѣ эти законы имѣютъ, правда, религіозно-ритуальную окраску но въ основѣ ихъ ясно проглядываетъ сознательная санитарная идея объ инфекціи и что законодатель, повидимому, стремился къ охраненію здоровыхъ людей отъ зараженія недугами больныхъ.

Уже тотъ фактъ, что заразные болѣзни носятъ въ Библии названіе Nega отъ глагола соприкасаться (Contingere), указываетъ на то, что тогда существовало понятіе о при-

липчивости болѣзней. Ритуальная чистота, которая диктуется въ Библии, по отношенію къ проказѣ и гонорейному зараженію, въ высшей степени аналогична нашей современной асептикѣ. По закону Моисея, платье и постель гонорейнаго, стулъ, на которомъ онъ сидитъ, могутъ служить источникомъ заразы. Всякій предметъ, къ которому больной прикасается немытыми руками, считается нечистымъ. Металлическіе и деревянные предметы достаточно было обмывать водой, а глиняная посуда, по своей пористости для прониканія заразы должна быть разбита. Все это, а также всѣ принимавшіяся мѣры противъ инфекціозности труповъ людей и животныхъ свидѣлствуютъ намъ о томъ, что Библейскія воззрѣнія на ритуальную чистоту не имѣютъ исключительно мистическаго значенія, и по всему видно, что законодателя руководила мысль о заразѣ. Подъ вліяніемъ ученія чистаго монотеизма, въ Библейскихъ представленіяхъ объ этиологіи болѣзней совершенно отсутствуютъ какіе-либо намеки на участіе демоновъ и злыхъ духовъ въ происхожденіи болѣзней и даже строго воспрещается примѣненіе всякаго колдовства, волшебства и заклинанія. Эпидеміи, описываемыя въ Библии, хотя рассматриваются какъ наказаніе Бога Ягве за нарушеніе людьми его завітовъ; тѣмъ не менѣе однако же въ Библейскомъ сказаніи о чумной эпидеміи, разразившейся надъ Филистимлянами, фигурируютъ также и крысы, какъ разнощицы заразы.

Извѣстный историкъ и археологъ врачебной науки фонъ Судгофъ, въ своей недавно опубликованной работѣ подъ заглавіемъ: „О проявленіи гигиеническихъ идей въ исторіи человѣчества“, отводитъ первое мѣсто семитамъ въ дѣлѣ созиданія и распространенія правильныхъ естественныхъ воззрѣній на гигиеническое здравоохраненіе. „Еврейскій народъ“, говоритъ онъ, „какъ главный носитель семитизма, впервые далъ человѣчеству два крупныхъ фактора гигиены: еженедѣльный отдыхъ въ формѣ субботняго дня и идею борьбы съ заразными болѣзнями“, какъ видно изъ только что приведенныхъ библейскихъ представленій о заразѣ. Библейскій еженедѣльный отдыхъ, унаслѣдованный и позднѣйшими религіями христіанской и магометанской, мотивируется не только какъ потребность для человѣческой жизнедѣятельности, но даже какъ отдыхъ для домашняго скота. На этомъ древнемъ завітѣ, можно сказать, базируется совре-

менный принципъ о необходимости регулированія рабочаго дня для трудящагося люда, о чемъ лишь стали трактовать и разсуждать на съѣздахъ и конгрессахъ въ болѣе новѣйшія эпохи. „Субботній отдыхъ“, говоритъ фонъ Судгофъ, „далъ евреямъ большую чѣмъ какую-либо силу для отстаиванія своего существованія среди народовъ. Если бы евреи ничего больше не давали-бы исторіи, то идея этого необходимаго отдыха могла бы считаться однимъ изъ величайшихъ гигиеническихъ благодѣяній для человѣчества“. Что же касается только что упомянутыхъ идей о борьбѣ съ заразой, какъ естественный этиологическій моментъ многихъ болѣзней, то по мнѣнію фонъ Судгофа, въ исторіи всей Греко-Римской и Александрійской медицины не имѣется такихъ ясныхъ указаній, какъ въ законодательствѣ Моисея.

Въ Талмудической письменности не имѣется особенныхъ отдѣловъ, трактующихъ о медицинѣ. Врачебныя свѣдѣнія изложены въ Талмудѣ вскользь и попутно связаны съ толкованіями и разъясненіями различныхъ религіозно-ритуальныхъ законовъ. Несмотря на педантическое буквоедство, книжную діалектику и привязанность къ формамъ богословскихъ разсужденій и традицій, въ крупныхъ фоліантахъ Талмуда встрѣчается немало такихъ воззрѣній, которыя доказываютъ, что отъ наблюдательности талмудистовъ не ускользали многіе факты, которые сдѣлались извѣстными лишь только новѣйшей медицинѣ. Въ талмудической этиологіи болѣзней фигурируютъ не рѣдко идеи, которыхъ мы не находимъ даже въ извѣстныхъ медицинскихъ произведеніяхъ той же эпохи, какъ у Галена, Аретея Кападокскаго и другихъ, а именно: о заразительности и наслѣдственности—идеи, которыя у Талмудистовъ считаются причинными моментами многихъ болѣзней. Такъ напримѣръ: при описаніи дифтерита констатируется его заразительность и эпидемичность. Что насѣкомые играютъ извѣстную роль при распространеніи заразныхъ болѣзней, видно изъ того, что аморай р. Іохананъ велѣлъ провозглашать въ синагогахъ слѣдующее: „Остерегайтесь мухъ, сидѣвшихъ на прокаженныхъ“ (Ктубъ 77-б). Танайтъ Раби Мейеръ (2 вѣка) избѣгалъ употребленія пищевыхъ продуктовъ, купленныхъ въ переулкахъ, отведенныхъ для прокаженныхъ больныхъ.

Въ ряду причинъ болѣзней придается не малое значеніе и наслѣдственности, которая по мнѣнію талмудистовъ имѣ-

еть большое вліяніе на физическія и психическія качества потомства.

Аморай Р. Симонъ бенъ Лакишъ (3-го в.) высказалъ, что если родители, отецъ и мать, обладаютъ какой-либо особенностью, то эта особенность можетъ выразиться у дѣтей въ уродливыхъ размѣрахъ. (Идея, имѣющая нѣкоторое сходство съ теоріей Дарвина о подборѣ родичей). Положеніе свое онъ высказалъ въ слѣдующихъ образныхъ выраженіяхъ: „Высокій ростомъ не долженъ жениться на высокой, дабы не родилась у нихъ высокая мачта; карликъ не долженъ жениться на карлицѣ, чтобы у нихъ не родился мальчикъ съ пальчикъ; бѣлокурый не долженъ жениться на бѣлокурой, чтобы у нихъ не родился альбиносъ; смуглый — на смуглой, чтобы потомство не было похоже на закоптѣлый печной горшокъ“.

На эпилепсію въ эту эпоху у всѣхъ народовъ смотрѣли какъ на одержимость бѣсомъ и эпилепсія исключительно лечилась разными чудотворцами и кудесниками; а талмудисты, повидимому, знали о роли наслѣдственности въ происхожденіи этой болѣзни, такъ какъ ученый Равва совѣтовалъ не жениться на женщинѣ, въ семействѣ которой имѣются эпилептики и случаи проказы. (Баба батра 10-а).

Современное понятіе о гемофилии (кровооточивости), какъ о наслѣдственномъ предрасположеніи, установлено наблюденіями англійскихъ врачей лишь только въ концѣ 18 вѣка. Между тѣмъ какъ въ Талмудѣ наслѣдственность гемофилии уже тогда признавалась, такъ какъ было постановлено, что мальчики, родившіеся въ семействѣ гемофиликовъ, освобождаются отъ обряда обрѣзанія, по причинѣ наслѣдственности гемофилии, несмотря на то, что обрядъ обрѣзанія имѣетъ строго-религіозное значеніе у евреевъ. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ свѣдѣнія талмудистовъ по патологической анатоміи животныхъ, употребляемыхъ человѣкомъ въ пищу. Весьма подробно описываются анатомическія измѣненія въ плеврѣ и легочной ткани, ложныя перепонки, сращенія съ грудной клѣткой и разныя вегетации въ легкихъ, какъ, напримѣръ, жемчужная болѣзнь. Всѣ патолого-анатомическія явленія въ дыхательныхъ и другихъ органахъ животныхъ оцѣниваются въ прогностическомъ смыслѣ, т. е. насколько животное жизнеспособно и годится для безвреднаго употребленія его человѣкомъ въ пищу. Животное, умершее

отъ болѣзни, никогда не разрѣшается для употребленія въ пищу. Рахитъ называется у насъ англійской болѣзью потому, что онъ впервые наблюдался и описывался англійскимъ врачомъ, Глисономъ. Въ древней медицинѣ имѣются лишь намеки на эту болѣзнь; между тѣмъ какъ въ Талмудѣ о рахитѣ существуетъ весьма подробное клиническое описаніе картины этой болѣзни. Приходится сожалѣть о томъ, что эти свѣдѣнія заглохли въ средне-вѣковое время и не утилизировались для дальнѣйшей научной разработки.

Что касается представителей медицины у древнихъ евреевъ, то можно сказать, что во всей Библии не имѣется ни одного факта, который указалъ бы намъ на роль священниковъ въ качествѣ врачей. Левиты функционировали только, какъ практическіе исполнители ритуальнаго богослуженія въ храмѣ и ритуальныхъ обрядовъ въ частной жизни. Медицина же у евреевъ, какъ во время царей, такъ и по возвращеніи изъ Вавилонскаго плѣна окончательно освободилась изъ—подъ опеки служителей алтаря и находилась, какъ свободная профессія, въ рукахъ пророковъ и другихъ лицъ изъ народа. Такъ наприимѣръ, Библия повѣствуетъ намъ о чудесномъ леченіи пророка Іліи и ученика его Елисея (I. Цар. 17—22), слава котораго распространилась настолько, что иноземные цари и полководцы обращались къ нему за лечебной помощью. Краснорѣчивый пророкъ Исай лечилъ царя Хизкія отъ опухоли ноги припарками изъ винныхъ ягодъ (II Цар. 20—7). Конечно были и плохіе врачи, на которыхъ жалуется многострадальный Іовъ (глав. 13—4). Но вообще о высокомъ уваженіи врачей свидѣлствуютъ намъ стихи апокрифа Ісуса сынъ-Сираха. „Почитай врача“, говоритъ онъ, „и уважай его, онъ поможетъ тебѣ въ часъ нужды... Мудрость врача возвышаетъ его и князья ему удивляются“...

Особенная самостоятельность выработалась въ еврейской медицинѣ во 2-мъ вѣкѣ нашей эры, въ эпоху академической учености въ Палестинѣ. Медицинское мышленіе у евреевъ въ эту эпоху основывалось на опытѣ и наблюдательности и было уже чуждо мистическому фатализму Востока. Представителемъ этой медицинской школы былъ врачъ Тодось, на котораго имѣется очень много ссылокъ и указаній въ Талмудѣ при рѣшеніи различныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ медициной. (Хул. §§ III—43).

Существующая въ трактатѣ Хулунъ носологическая таблица опасныхъ и неопасныхъ для жизни болѣзней, увѣчій и поврежденій, въ цѣляхъ рѣшенія судебно-медицинскихъ вопросовъ, по всей вѣроятности, была составлена при участіи этого врача. Что въ Палестинѣ были профессиональные врачи, доказываетъ существованіе официальной должности врача при храмѣ, для леченія священниковъ, которые часто хворали вслѣдствіе того, что они ходили босыми ногами по мраморному полу. Законоучители Талмуда даже прямо воспрещали жить въ городѣ, гдѣ нѣтъ врача. Матеріальное положеніе врачей было, повидимому, сносное. Въ Талмудѣ часто упоминается о приличномъ гонорарѣ, а въ народѣ даже сложилась тогда поговорка, что врачъ, который ничего не беретъ за леченіе, ничего не стоитъ. (Баба-Кама 85). Эта поговорка нѣкоторымъ образомъ напоминаетъ нашу современную денежную буржуазію, которая нерѣдко судить и оцениваетъ искусство и знаніе врача по назначаемой имъ таксѣ за леченіе и по дороговизнѣ прописываемыхъ имъ лекарствъ. Впрочемъ, въ другомъ трактатѣ имѣется особенный похвальный отзывъ о безкорыстномъ врачевателѣ Абба, который не бралъ гонорара изъ рукъ пациентовъ, а прибилъ кружку, въ которую каждый больной могъ опускать плату за леченіе, сколько онъ былъ въ состояніи по своимъ средствамъ.

Врачебная профессія, повидимому, подвергалась у евреевъ довольно большой отвѣтственности, судя по тому афоризму, который имѣется въ одномъ изъ Талмудическихъ трактатовъ, гдѣ говорится, что даже наилучшій изъ врачей можетъ угодить въ адъ.

Самостоятельность врачебнаго мышленія, которая начинаетъ проглядывать въ Библейско-Талмудической письменности, можно отчасти также объяснить тѣмъ, что окончательная редакція всѣхъ устныхъ традицій евреевъ сформировалась какъ разъ въ эпоху расцвѣта Греческой культуры и философіи. Потерявъ свой политическій режимъ, евреи въ своей діаспорѣ разсѣялись по многимъ странамъ и государствамъ, подвластнымъ тогдашнему Римскому владычеству, ассимилировались съ другими народами и, несомнѣнно, подчинялись вліянію Греко-Александрійской культуры, процвѣтавшей въ школахъ Гиппократа, Герофила, Эразистрата, Асклепіада и Галена.

Медицина у Грековъ имѣла двоякое, далеко не солидарное между собою, историческое теченіе. Болѣе древняя греческая медицина находилась въ вѣдѣніи служителей Эскулапа. Центральный храмъ этого бога-цѣлителя находился въ Эпидаврѣ, откуда по всей странѣ организовались въ различныхъ мѣстахъ лечебные пункты, въ родѣ филиальныхъ отдѣленій. Въ этихъ лечебныхъ пунктахъ не было никакихъ намековъ на существованіе какой-либо врачебной наблюдательности. На подобіе тому, какъ это практиковалось у другихъ древнихъ народовъ Востока, вся медицина была скована религіозно-мистическимъ суевѣріемъ и предрасудками, не допускавшими никакого дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія. Вся врачебная дѣятельность въ этихъ лечебныхъ пунктахъ выражалась только въ формѣ жертвоприношеній и снотолкованій. (Трауматизмъ). Больные оставлялись въ храмахъ для ночевки и изъ сновидѣній больныхъ вырабатывались и примѣнялись жрецами различные, заранѣе ими придуманные, методы леченія. Если больному ничего не снилось во время ночевки въ храмѣ, то принимались въ расчетъ сны самихъ жрецовъ, за время пребыванія больныхъ въ храмѣ. Но этотъ культъ Эскулапа былъ больше распространенъ среди низшихъ элементовъ и классовъ греческаго населенія и не пользовался особымъ уваженіемъ и довѣріемъ со стороны греческой интеллигенціи. Въ комедіяхъ Аристофана культъ Эскулапа изображенъ даже въ смѣшномъ и отрицательномъ духѣ. Въ сочиненіяхъ греческихъ врачей также не упоминается о поклоненіи Эскулапу. (Гезеръ. Исторія Медицины).

Совершенно другимъ характеромъ отличается медицина, зародившаяся на поворотѣ 5-го вѣка дохристіанской эры, въ классическую эпоху великихъ мыслителей Греціи: Эмпедокля, Аристотеля, Сократа и въ особенности во времена Гиппократѣ и его послѣдователей. Этотъ великій реформаторъ, считающійся до сихъ поръ отцомъ медицины, окончательно эманципировалъ и освободилъ врачебное искусство изъ-подъ вліянія врачевавшихъ жрецовъ, облакавшихъ обыкновенно всякое леченіе болѣзней какой-то чудесной тайнственностью. Гиппократъ лишилъ медицину ея фантастическаго, сверхъестественнаго происхожденія и сводилъ ее къ естественному наблюденію и къ изученію природы. Разсматривая сущность всякаго болѣзненнаго процесса, какъ естествен-

ное явленіе, совершающееся по извѣстнымъ законамъ реально-познаваемой природы, Гиппократъ, при своихъ наблюденіяхъ надъ больными, главнымъ образомъ руководствовался и учитывалъ условія окружающей природы и всей жизненной среды и обстановки человѣка. „Человѣкъ никогда не бываетъ изолированъ отъ внѣшнихъ условій природы“, обыкновенно говаривали Гиппократики. Мысли эти изложены въ лучшемъ изъ оставленныхъ Гиппократомъ произведеній (*De aere, aquis et locis*).

Ученіе Гиппократа по своей правдивости и непреложности уже никогда не могло сойти и исчезнуть съ горизонта врачебнаго познанія. Правда, Гиппократовскія врачебныя воззрѣнія потомъ заглохли и затормозились въ своей дальнѣйшей эволюціи подъ вліяніемъ схоластики, мракобѣсія и религіознаго фанатизма, въ теченіе продолжительнаго періода среднихъ вѣковъ до эпохи возрожденія; но все таки, можно сказать, что ученіе Гиппократа въ теченіе двухъ съ половиной тысячелѣтій не переставало считаться исходнымъ пунктомъ и прочной базой для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія врачебнаго мышленія и научной продуктивности. Въ дошедшемъ до насъ сборникѣ Гиппократа сгруппированы и суммированы всѣ врачебныя знанія, которыми располагали и владѣли врачи древнихъ Эллиновъ. Особенно прославились знаменитыя школы Косса и Книдоса. Изученіе врачебнаго искусства въ этихъ школахъ впервые способствовало къ развитію и сформированію отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ, какъ: симптоматика, діагностика, прогностика, терапія, а въ особенности этиологія въ связи со всѣми условіями жизни и окружающей природы. Въ Книдской школѣ обращалось особенное вниманіе на субъективныя жалобы больныхъ, индивидуализировались различныя формы и типы патологическихъ процессовъ; распознавались: фтизисъ, тифъ, пневмонія, плевритъ и болѣзни желчнаго пузыря; не страшились производства резекціи ребра и вскрыванія почечныхъ нарывовъ. Въ этой же школѣ воспитывался отецъ великаго Аристотеля. Въ Косской школѣ, гдѣ воспитывался и функционировалъ самъ Гиппократъ, придавалось большое значеніе объективнымъ методамъ наблюденія больного, прогностикѣ каждаго даннаго страданія; отводилась большая роль общему предохранительному, чѣмъ мѣстному леченію. Въ этой школѣ работалась теорія о кризисахъ и условіяхъ разрѣшенія про-

песса, при различныхъ формахъ острыхъ инфекціонныхъ заболѣваній. Насколько этой школѣ была свойственна наблюдательность, видно изъ отмѣченныхъ въ Гиппократовскомъ сборникѣ даже аускультативныхъ явленій при эмпіемѣ. Прогностическіе признаки Гиппократиковъ, какъ напримѣръ *Facies hypocratica* и многіе другіе симптомы, уцѣлѣли и сохранились въ нашей современной медицинѣ. Продолжительный опытъ, основанный на объективныхъ наблюденіяхъ, привелъ Гиппократиковъ къ тому выводу, что большинство заболѣваній преодолевается организмомъ при помощи цѣлительной силы природы. Взглядъ этотъ во многомъ намекаетъ и на наши современныя понятія о фагоцитахъ и анти-тѣлахъ. Гиппократовская терапія имѣетъ своимъ лейтмотивомъ слѣдующее положеніе: природы—врачи болѣзней. Въ сборникѣ Гиппократа очень часто повторяется правило: вмѣшивайся при леченіи болѣзней только тогда, когда надо возбудить или умѣрить дѣятельность природы.

Гиппократъ установилъ во врачебномъ искусствѣ тѣ же принципы, которые Сократъ примѣнялъ къ философіи. Оба эти мыслителя стремились освободить человѣческое мышленіе отъ чрезмѣрнаго спекулятивнаго балласта тогдашнихъ натурфилософовъ и отъ гиперкритики и діалектики софистовъ, и въ своемъ міросозерцаніи сосредоточили главнымъ образомъ свое вниманіе на идеалахъ утилитарной прикладной житейской морали.

Помимо талантливой врачебной наблюдательности въ Гиппократовскомъ сборникѣ имѣются также непоколебимые этические завѣты объ обязанностяхъ врача, при выполненіи имъ своей профессиональной дѣятельности. Этими моральными завѣтами и поднесъ не перестаютъ пользоваться наилучшіе элементы современнаго врачебнаго сословія. Я считаю излишнимъ доподлинно цитировать здѣсь всѣмъ намъ извѣстную Гиппократовскую присягу, которую и современные врачи традиціонно произносятъ при выходѣ изъ школы и при вступленіи на арену жизни, для примѣненія принциповъ ея въ своей практической дѣятельности. Эта присяга служитъ плодотворной почвой для того чувства долга, которое, можно сказать, должно быть присуще каждому врачу по отношенію ко благу больного.

Этические взгляды на обязанности врача встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Гиппократовскаго сборника. Можно сказать,

что они придаютъ врачебной профессіи какой-то характеръ культа. Въ книгѣ (*De habitu decenti*), излагая мысль объ аналогіи медицины съ философіей, Гиппократъ нарисовалъ картину нравственнаго облика врача. По этой картинѣ всѣ характерныя черты, которыя присущи и свойственны философамъ, подобаютъ и врачамъ, какъ: безкорыстіе, скромность, цѣломудріе, здравый смыслъ, хладнокровіе, спокойствіе души, серьезная рѣчь, знаніе полезныхъ и необходимыхъ для практической жизни вещей, избѣжаніе нечистыхъ дѣлъ, шарлатанства, ненасытной алчности и страстей, отсутствіе предразсудковъ и страха предъ богами. Необходимо переносить философію въ медицину и медицину въ философію, „ибо“, говорить Гиппократъ, „врачъ философъ равенъ богамъ“. Гиппократъ соединялъ въ себѣ богатую врачебную опытность съ глубокимъ знаніемъ людей; онъ, повидимому, превосходно зналъ психологію больныхъ и практикующихъ врачей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о чемъ свидѣлствуетъ намъ цѣлый рядъ правилъ и сентенцій, изложенныхъ по поводу врачебнаго гонорара, врачебныхъ консультаций и различныхъ другихъ приемовъ, связанныхъ съ врачебной профессіей. Гиппократъ сильно порицаетъ врачей, которые противорѣчатъ другъ другу въ своихъ совѣтахъ и предписаніяхъ больнымъ и этимъ, говоритъ онъ, до такой степени роняютъ врачебное искусство въ глазахъ публики, что можно прійти къ такому убѣжденію, что или на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ никакой медицины, или она представляетъ собою ничто иное, какъ гадательство.

„Никогда не слѣдуетъ“, говорится въ книгѣ (*Praecepta*), „затѣвать бесполезныхъ диспутовъ и взаимныхъ насмѣшекъ другъ надъ другомъ. Умный и искусный врачъ никогда не будетъ чувствовать зависти къ своимъ коллегамъ и не посягнетъ на ихъ репутацію“. Главное достоинство медицины заключается, по мнѣнію Гиппократа, въ ея облагораживающемъ вліяніи на ея адептовъ; такъ какъ вся медицина основана на началахъ человѣколюбія, гдѣ есть любовь къ людямъ, тамъ будетъ и любовь къ искусству, другими словами: только хорошій человѣкъ можетъ быть хорошимъ врачомъ. Въ книгѣ (*epidemiogum*) проводится мысль, что въ болѣзняхъ главнымъ образомъ нужно соблюдать двѣ вещи—облегчать или не вредить. Далѣе въ этой же книгѣ высказывается: когда существуетъ нѣсколько способовъ леченія—необходимо избрать наименѣе показной. Это правило чести и искусства для вся-

каго врача, кто не гоняется за пустыми мишурными эффектами. Новые методы леченія, польза которыхъ еще не установлена, очень часто неправильно восхваляются больше, нежели старые способы, пригодность которыхъ уже испытана. Это Гиппократовское изрѣченіе, пожалуй, годится въ назиданіе многимъ нашимъ современнымъ меркантильнымъ практикантамъ, которые лечатъ за деньги больныхъ такими приемами и подчасъ секретными средствами, дѣйствіе которыхъ далеко еще въ наукѣ не выяснено и не установлено.

Насколько Гиппократовскіе принципы относятся отрицательно ко всякой врачебной рекламѣ для ловли пациентовъ, указываютъ его слова въ книгѣ „о благонравіи“, что врачу нужно избѣгать всякихъ показныхъ, кричащихъ приемовъ, какъ блестящихъ головныхъ уборовъ, костюмовъ, и даже чтеніе врачами популярныхъ лекцій, предъ малосвѣдущей въ медицинѣ публикой, онъ считаетъ непохвальнымъ.

Весьма цѣннымъ наслѣдіемъ изъ Гиппократовскихъ ученій слѣдуетъ считать его воззрѣніе на исторію медицины. Въ книгѣ (*De prisca medicina*) говорится: врачъ долженъ изучать и знать все, что знали до него, если только онъ не желаетъ обманывать себя и другихъ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что это требованіе Гиппократа до сихъ поръ еще не вездѣ выполняется. Даже въ нѣкоторыхъ высшихъ врачебныхъ школахъ преподаваніе исторіи медицины остается въ пасынкахъ и кафедры по этому предмету пустуютъ и остаются незамѣщенными.

Врачебная профессія у Грековъ въ эпоху Гиппократиковъ была свободная, и право заниматься ею предоставлялось лицамъ всѣхъ слоевъ общества. Врачебное сословіе въ это время состояло изъ врачей съ высшимъ философскимъ образованіемъ и низшаго сорта врачей—ремесленниковъ, которые занимались леченіемъ переломовъ, вывиховъ, камнестѣченіемъ и т. подобными врачебно-техническими манипуляціями, которыя считались тогда унизительными для врачей высшаго философскаго образованія. Греческіе врачи посѣщали и лечили уже больныхъ у нихъ на дому и принимали ихъ также въ своихъ ятретонахъ (лечебницахъ), устроенныхъ на большихъ улицахъ. Эти лечебницы были иногда обставлены, смотря по средствамъ ихъ владѣльцевъ, весьма роскошно, различными приборами, инструментами и даже различными художественными декоративными предметами. Среди врачеб-

ныхъ практикантовъ были также и странствующие врачи, такъ называемые періодеуты, которые возили съ собою и переносныя аптечки и оставались на мѣстахъ по мѣрѣ надобности и спроса на ихъ дѣятельность.

Греческая медицина, перенесенная Гиппократиками въ знаменитыя школы Александріи, во времена Птолемеевъ, получила особенно широкое развитіе и процвѣтаніе. Александрія представляла тогда собою интернаціональный, культурный центръ, куда стекались всѣ ученые тогдашняго міра и гдѣ сосредоточивались всѣ отрасли знаній и искусства. Къ услугамъ школъ и ученыхъ имѣлись въ Александріи богатѣйшія бібліотеки и образцовыя поучительныя музеи. Среди врачей Александрійской эпохи особенно прославились Герофилъ и Эразистратъ, которые впервые стали изучать анатомію на человѣческихъ трупахъ, производили вивисекціи не только на животныхъ, какъ увѣряетъ историкъ Баасъ, но даже и на преступникахъ, которые будто-бы передавались имъ Египетскими царями для распознаванія тайны жизни. Въ исторіи имѣются вѣскія основанія предполагать, что эти врачевныя свѣтила сумѣли наблюдать млечныя сосуды, наполненные хилусомъ, были освѣдомлены въ топографіи нервныхъ центровъ, различали чувствительныя и двигательныя нервы.

Благодаря нѣкоторымъ успѣхамъ въ знаніи анатоміи человѣка, Александрійскіе хирурги уже не ограничивались одной, такъ сказать, наружной хирургіей въ видѣ леченія переломовъ и вывиховъ, а смѣло оперировали во внутреннихъ глубокихъ частяхъ человѣческаго организма. При завалахъ кишекъ, хирурги производили ляпоротомію, устраняли причины засоренія и непроходимости кишекъ, накладывали кишечныя швы, лечили глубокіе нарывы печени, селезенки и почекъ, удаляли жидкость, накапливающуюся въ полости плевры, при различныхъ хроническихъ болѣзняхъ.

Александрійскія школы, способствовавшія развитію научной медицины въ теченіе 3-хъ столѣтій, снабжали также Римъ и многія, подвластныя ему, провинціи хорошими и дѣльными представителями медицины, между которыми прославились знаменитые въ исторіи врачевнаго искусства Асклепиадъ и Галенъ, научный авторитетъ которыхъ, особенно послѣдняго, сохранился довольно долго, въ теченіе всего средневѣковья, до эпохи возрожденія, до Парацельза, Гарвея и дру-

гихъ научно-врачебныхъ свѣтилъ новѣйшаго періода исторіи медицины.

Гиппократовская медицина, достигшая своего научнаго апогея въ эпоху Александрійской учености, остановилась въ своемъ развитіи, особенно послѣ того, какъ изъ Александріи были изгнаны ученые, и послѣ того, какъ богатыя библіотеки и музеи подверглись опустошительнымъ пожарамъ. Будучи пересажена на почву воинственнаго Лаціума, Греко-Александрійская медицина уже утратила свой первоначальный прогрессивный характеръ и стала обнаруживать даже нѣкоторые симптомы распада. При дальнѣйшихъ же политическихъ катастрофахъ, постигшихъ Римскую имперію, и при той разрухѣ, которая произошла въ соціально-бытовой обстановкѣ и этическихъ условіяхъ жизни послѣдней эпохи Римской имперіи, можно сказать, что классическія науки и искусства не только перестали процвѣтать, но пошли на убыль и подверглись окончательному разложению. Притокъ философскихъ и руководящихъ въ жизни этическихъ идей сталъ все больше и больше суживаться и уменьшаться. Одновременно и даже нѣсколько раньше, вмѣстѣ съ переселявшимися въ Римъ греческими культуртрегерами, нахлынула также цѣлая масса странствующихъ врачей, весьма сомнительнаго достоинства и низкопробнаго, ремесленнаго, грубо-эмпирическаго типа. При отсутствіи въ Римѣ всякаго преподаванія и обученія, при отсутствіи организованныхъ школъ и всякаго контроля надъ врачебнымъ дѣломъ, разницы между истинными и самозванными врачами не было ¹⁾).

Всякій, кому только вздумалось, могъ себя объявить врачомъ и эти самозванные врачи очень часто дѣйствовали заодно съ лавками цирюльниковъ и торговцами лекарственныхъ травъ. Кромѣ того сложныя условія жизни въ міровой имперіи, при значительномъ разнообразіи загнаннаго въ плѣнъ разнороднаго населенія, привлекали все новыхъ и новыхъ пришельцевъ-врачевателей, чаявшихъ найти здѣсь для себя матеріальныя выгоды и источники наживы. Подъ шумихой тогдашней гиперкультуры Римской жизни съ ея развлеченіями на гладіаторскихъ зрѣлищахъ и въ притонахъ разврата, зарождалось прежде всего у каждаго врача-пришельца стремленіе привлечь на себя вниманіе широкой публики. Чест-

¹⁾ Официальныя врачебныя школы и заведенія были учреждены только при Александрѣ Северѣ 225 л. послѣ Р. X.

ное и добросовѣстное отношеніе къ своей врачебной профессиональной дѣятельности отступило на задній планъ и высокое врачебное званіе получило мелкій ремесленный характеръ. Меркантильность, шарлатанство и реклама находили въ Римѣ самую благодарную почву для своего примѣненія. Успѣхи и побѣды чаще всего были не на сторонѣ лучшихъ и добросовѣстныхъ врачей, а у тѣхъ, которые съумѣли различными мишурными эффектами, новомодными таинственными средствами и приемами одурачить мало свѣдущую въ медицинѣ Римскую публику. Составъ Римскаго врачебнаго персонала, такъ наз. *Medici Servi*, по своему происхожденію, воспитанію и по размѣрамъ своихъ знаній, былъ въ высшей степени разнообразенъ. Специализмъ размножился въ уродливыхъ размѣрахъ и значительно перешеголялъ нашу современную врачевательскую специализацію. Тутъ были литотомисты, герніотомисты, бандажисты, окулисты, банышники, дрогисты, корнекопатели, т. наз. ризотомы, москательщики, гимнасты, зубодеры, костоправы, заклинатели и многіе другіе цѣлители, предлагавшіе свои врачебныя услуги широкому и разнообразному Римскому населенію. Эпиграмматики Марціалъ высмѣивалъ тогдашнюю специализацію: „*Castelius вырываетъ зубы, Нугунус выдергиваетъ врошія въ глаза рѣсницы, Ганіусъ лечитъ приросшій язычекъ, Егосъ уничтожаетъ клеймы въ кожѣ рабовъ, Нермесъ лечитъ грыжи*“. Медицинскій историкъ Гезеръ прибавляетъ по поводу этого, что наша современная жизнь давала бы также немало матеріала для знаменитаго сатирика. Въ этой запутанной врачевательской сутолокѣ весьма трудно было оріентироваться и различать истинное врачебное искусство отъ знахарства. Надлежащая оцѣнка тѣхъ или другихъ цѣлителей по ихъ достоинствамъ всецѣло зависѣла отъ случайныхъ вкусовъ и понятій пестраго и разношерстнаго, вдобавокъ изнѣженнаго и развращеннаго населенія Рима.

Относительно гонорара врачей можно отмѣтить, что онъ былъ неравномѣренъ и по обыкновенію находился въ зависимости отъ реноме, которымъ пользовались тѣ или другіе врачи и отъ той среды, гдѣ они вращались. Благодаря сильной конкуренціи, развившейся среди обильной массы лечителей, перебивавшихъ другъ друга своими услугами публикѣ, вознагражденіе было весьма ничтожное—въ размѣрѣ одного нумуса (самая мелкая римская монета) за каждое посѣще-

ніе больного. Встрѣчались также врачи, какъ лейбъ-медики консуловъ или особенно прославившіеся спеціалисты, которые получали невѣроятные гонорары. Напримѣръ, лейбъ-медики Quintus Stertinus, Stertinus Xenophon оставили послѣ себя по 30 милліоновъ сестерцій (Римская серебряная монета цѣнностью приблизительно на наши деньги около 40 коп.). Легатъ Monilius Caruntus заплатилъ за излеченіе своей на-кожной болѣзни 200000 сестерцій. Сильная конкуренція между Римскими врачами, при полномъ отсутствіи всякой отвѣтственности во врачебномъ дѣлѣ, породила такое обильное шарлатанство, противъ котораго трудно было устоять даже виднымъ представителямъ медицины въ ихъ борьбѣ за свое существованіе. Изъ многихъ историческихъ данныхъ видно, что врачебная реклама процвѣтала тогда въ самыхъ разнообразныхъ, зазывающихъ формахъ. Такъ напримѣръ: давались театральныя представленія, состоявшія въ выполненіи различныхъ хирургическихъ операцій предъ многочисленной толпой зрителей. Квартіры врачей украшались особенными значками, на которыхъ изображалась змѣя, держащая во рту лѣсное яблоко. Читались популярныя лекціи въ базарно-крикливомъ тонѣ о дѣйствіи различныхъ секретныхъ снадобій, представленныхъ широкой публикѣ въ изящныхъ изъ слоновой кости коробкахъ съ мудренными замысловатыми и заманчивыми названіями и надписями. Помѣщенія, гдѣ хранились секретныя медикаменты, обставлялись блестящими серебряными банками, хирургическими ножами съ позолоченными рукоятками и т. подобными украшеніями, производившими особенный эффектъ на приходящихъ больныхъ. Историки Теодоръ Присканъ, Плутархъ и Плиній, рисуютъ незавидное положеніе Римскихъ врачей въ борьбѣ за существованіе. Даже знающіе врачи не брезгали никакими средствами, чтобы пріобрѣсти извѣстность среди населенія.

Ложь и неприличіе въ пріемахъ тогдашнихъ странствующихъ врачей выражались также особенными старательными манерами и угожденіемъ разнообразнымъ вкусамъ широкой публики. При появленіи въ комнатѣ больного эти врачи выказывали ему особенное усердіе, утрированную искусственную заботливость и рабскую угодливость. Затѣвались ненужныя полемики и споры въ перегонку между врачами для того, чтобы показать свое близкое участіе къ больному.

Само собою разумѣется, что въ силу такихъ отрицательныхъ житейско-бытовыхъ наклонностей врачей, этические элементы, заложенные Гиппократомъ въ основу врачебнаго званія, потеряли свое обаянье и утратили свое значеніе во врачебномъ сословіи Рима. Не взирая однакожь, что вся врачебная практика очутилась въ рукахъ греческихъ врачей-пришельцевъ, Римское населеніе, не только во времена республики, но даже позднѣе, при императорахъ, не питало особеннаго уваженія въ этимъ врачамъ и даже относилось къ нимъ съ презрѣніемъ. Римскій цензоръ Катонъ старшій говорилъ, что греки задумали истребить варваровъ своей медициной, и совѣтовалъ своему сыну никогда не обращаться за врачебной помощью къ греческимъ врачамъ. У Ювенала также имѣются сатиры, направленные противъ тогдашнихъ греческихъ врачей:

Grammaticus, rhetor, geometres pictor aliptes.

Augur schenobates medicus magus omnia novit.

*Graeculus csuriens in coelum jusseris ibit.*¹⁾

Плиній 2-й сообщаетъ, что греческій хирургъ назывался тогда *carnifex*’омъ, т. е. палачемъ и мучителемъ, ихъ ставляли обезкровливать вскрываніемъ жилъ у тѣхъ жертвъ, которыя предназначались для казни. Далѣе онъ пишетъ про врачей слѣдующее: „Достоинство всякаго римлянина не позволяетъ ему заниматься медициной, какъ профессіей, и всѣ тѣ римляне, которые занимаются медициной, должны считаться продажными перебѣжчиками къ грекамъ“. Извѣстная латинская, далеко неслестная для врачей, поговорка *Omnis medicus mendax*, „всякій врачъ лгунъ“, вѣроятно, также обязана своимъ происхожденіемъ тогдашней эпохѣ.

Извѣстные историки Плутархъ, Теодоръ Присканъ, сатирики Лукіанъ и Плиній рисуютъ низкое положеніе и незавидную роль Римскихъ врачей въ борьбѣ за свое существованіе. Даже знающіе врачи не брезгали никакими средствами для того, чтобы приобрести популярность. Знаменитый Галенъ, который собралъ и объединилъ въ своихъ 380 сочиненіяхъ всю античную медицину и считался врачебнымъ оракуломъ въ теченіе 15 вѣковъ, характеризуетъ тогдашнихъ врачей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Между грабителями и врачами“, пишетъ Галенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,

¹⁾ Голодающій греченокъ берется за всевозможныя спеціальности, готовъ бросаться на небо, лишь бы всякому угодить.

„имѣется только та разница, что первые совершаютъ свои преступленія въ горахъ, а вторые въ Римѣ“. „Умъ большинства врачей“, говоритъ далѣе Галенъ, „направленъ не на науку, а на писаніе рецептовъ. Низкое корыстолюбіе дѣлаетъ ихъ способными на всякія постыдныя дѣла“. Но какъ ни поверхностны и ни скудны были врачевныя знанія этихъ врачей-пришельцевъ, они все таки съ успѣхомъ могли соперничать съ тѣми примитивными и суевѣрными представленіями и понятіями, которыя господствовали и циркулировали о врачевномъ искусствѣ среди населенія воинствующаго Рима. Тотъ же строгій цензоръ Катонъ, проявляя претензію на знаніе медицины, въ составленныхъ имъ *Carmina saliorum*, рекоммендуетъ наговоръ, состоящій изъ набора бессмысленныхъ и непонятныхъ словъ для леченія вывиха:

Huat, hanat ista, pista sista domina damnastra et luxato.

Подобное бессмысленное захарство одного изъ выдающихся представителей Рима достаточно характеризуетъ, насколько суевѣрно было Римское населеніе по отношенію къ медицинѣ. Несмотря на блестящіе успѣхи, достигнутые римлянами въ государственныхъ организаціяхъ, въ военномъ искусствѣ, въ законодательствѣ, въ архитектурѣ городовъ и агрикультурѣ, медицина оставалась почему то у римлянъ на самой низшей стадіи развитія. Въ то время, какъ Греко-Александрійскія школы окончательнo прервали во врачевномъ искусствѣ всякую связь съ религіознымъ культомъ и его представителями, у Римлянъ фигурировали еще тогда, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, спеціальныя боги, завѣдывавшіе различными болѣзнями, какъ напримѣръ: *Dea febris* богиня лихорадки, *Dea fluonia*-богиня менструаціи, *Dea scabies* богиня чесотки, *Dea salus*—высшая богиня патронесса челоѣческаго здоровья. Римскіе авгуры еще въ это время распознавали и предсказывали болѣзни по полетамъ птицъ и тому подобнымъ явленіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ истиннымъ врачевнымъ искусствомъ.

Въ эпоху появленія христіанства на историческую арену древняя классическая культура, совмѣстно съ Гиппократовскою медициною, быстрыми шагами пошли на убыль и стали приближаться къ своему распаду. Съ одной стороны, обитатели Олимпа все болѣе и болѣе стали терять свой божественный ореолъ и представляли собой однѣ только сла-

быя тѣни отъ своего прошлаго обаянія, а съ другой стороны, колеблющаяся философія позднѣйшей эпохи древняго міра старалась и стремилась замѣститъ и пополнять отживающее язычество другими разнообразными спекулятивными, метафизическими комбинаціями и приѣмами. Медицина въ эту эпоху представляла собою, по выраженію историка Guardia, весьма неутѣшительную картину. Въмѣсто Гиппократовскаго ученія о природѣ и о вліяніи окружающей среды, вмѣсто Гиппократовской медицины, которая стремилась примирять теоретическія воззрѣнія съ практической дѣятельностью врача, зародились новыя натуръ-философскія школы методиковъ, пневматиковъ, догматиковъ, эмпириковъ, которые вели между собою ожесточенную борьбу за первенство и постоянную безплодную полемику чисто діалектическаго характера. Съ исчезаніемъ религіознаго культа, хотя бы и грубаго фетишизма, растерялся также и смыслъ жизни.

Грубья матеріальныя жизненныя наслажденія, господствовавшія на исходѣ Римской имперіи, были исчерпаны до дна и, на мѣсто отживающей античной языческой культуры, зарождалось и распространялось новое религіозное міросозерцаніе. Идеи христіанства въ своемъ міровоззрѣніи отрѣшились отъ всѣхъ земныхъ благъ и интересовъ и создали для человѣка новую, возвышенную родину въ небесныхъ сферахъ. Земная жизнь со всѣмъ ея матеріальнымъ житейскимъ добромъ, подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, замѣнялась другимъ, потустороннимъ міромъ. Родина человѣка перемѣщалась съ земли въ небесное царство. Всѣ заманчивыя для человѣка прелести земной жизни, матеріальное богатство, роскошь и почести уступили свое мѣсто отшельническому аскетизму, выражавшемуся въ ученіяхъ эсеновъ, гностиковъ, монофизитовъ и другихъ христіанскихъ сектъ. Христіанское ученіе въ его первоначальной чистотѣ, проповѣдывавшее всеобщее человѣколюбіе и братство и охватившее умъ и сердце своихъ приверженцевъ, отодвинуло интересы матеріальной земной жизни на задній планъ. Земная жизнь разсматривалась, какъ временный подготовительный моментъ для будущаго вѣчнаго блаженства въ небесныхъ чертогахъ.

Весьма естественно и понятно, что при такомъ духовно-экзальтированномъ настроеніи человѣческаго мышленія, при такомъ воззрѣніи на жизнь, свѣтскія врачебныя знанія едва-

ли могли имѣть какой либо успѣхъ и какое либо развитіе въ ихъ реальномъ примѣненіи. Согласно историческимъ даннымъ. мы de facto видимъ, что въ первую христіанскую эпоху появились многія человѣческія группы и общины, которыя относились къ медицинѣ вполнѣ отрицательно и совершенно игнорировали потребность человѣка въ какомъ-либо врачеваніи своихъ недуговъ. Правда, среди первыхъ христіанъ апостолъ Лука пользовался славой всеміи возлюбленнаго врача, какъ его величаютъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ Колосеянамъ (глав. IV, стих. 14). Но врачеваніе апостола Луки выражалось только въ формѣ сверхъ-религіознаго внушенія, состоявшаго въ молитвѣ, возложеніи рукъ и мазаніи елеемъ. О подобныхъ цѣлительныхъ приемахъ упоминается также въ посланіяхъ апостоловъ Марка и Якова (VI гл. ст. 14—15), гдѣ говорится: „Боленъ-ли кто изъ Васъ пусть призоветъ старѣйшинъ общины и пусть помолятся надъ нимъ, помазавъ его елеемъ во Имя Господне, и молитва вѣры исцѣлитъ больного и возстановитъ его“. Вопросъ о леченіи человѣческихъ недуговъ, немало трактовавшійся христіанскими апологетами и отцами церкви, послужилъ также предметомъ продолжительныхъ и многосложныхъ сужденій и горячихъ полемическихъ споровъ и разногласій. Полемика эта касалась преимущественно того, какой образъ жизни подобаетъ вести согласно принципамъ ученія Христа, позволительно-ли вообще христіанину ухаживать за своей бренной плотью, слѣдуетъ-ли питаться въ изобиліи, такъ какъ нѣкоторые изъ апостоловъ питались только дикимъ медомъ и акридами, допустимо-ли по ученію Христа заниматься физическими упражненіями и купаться для укрѣпленія и развитія своего бреннаго тѣла, на подобіе греческимъ язычникамъ.

Особенное вниманіе посвящалось отцами церкви вопросу о винѣ. Одни утверждали, что употребленіе вина желательно для человѣка въ ограниченномъ количествѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, а другіе, особенно секта монофизитовъ сильно возставала противъ употребленія вина. По ученіямъ гностиковъ, діаволь, прогнанный съ неба, опустился на землю въ образѣ змѣя, смѣшался съ земными тварями и плодомъ этого смѣшенія явилась виноградная лоза съ ея выющимися змѣеподобными вѣтвями. Эта полемика о винѣ имѣетъ нѣкоторое отдаленное сходство съ тѣми дебатами, которые ведутся

современными абстинетами во многих общественных сферах по поводу абсолютнаго вреда алкоголя.

Но особенно враждебно отцы церкви относились ко всевозможнымъ лекарственнымъ снадобьямъ во всѣхъ ихъ формахъ, видахъ и качествахъ. Даже либеральныя свободомыслящіе изъ отцовъ церкви питали въ себѣ чувство недоброжелательства и подозрительности къ лекарственнымъ веществамъ. Особенно энергично и рѣзко протестовалъ противъ употребленія лекарствъ гностикъ 2-го вѣка Таціанъ. Онъ называлъ всякое врачебное вмѣшательство ложнымъ и обманчивымъ искусствомъ, допускалъ его примѣненіе только къ язычникамъ, но отнюдь не къ христіанамъ, „ибо“, говорилъ онъ, „съ употребленіемъ лекарствъ подрывается вѣра въ цѣлебное могущество Господа“. Гностикъ 2-го вѣка Марціанъ, въ своихъ воззрѣніяхъ на врачебное искусство дошелъ до такой ортодоксальности, что подвергалъ изгнанію изъ общины всѣхъ тѣхъ, которые занимаются изученіемъ природы и врачеваніемъ. Конечно, подобное отрицательное отношеніе къ свѣтской медицинѣ, если принять во вниманіе низкій уровень знаній и пониманія явленій окружающей природы тогдашней эпохи, не особенно можетъ поражать своей дѣтской наивностью. Крайне ортодоксальное вырожденіе чистаго христіанскаго ученія получило въ это время еще менѣе благопріятное теченіе и осложнилось примѣсью многихъ элементовъ, имѣвшихъ чисто языческую окраску. Такъ какъ обычное религіозно-метафизическое пользованіе болѣзней молитвой и накладываніемъ рукъ не всегда и не во всѣхъ случаяхъ удовлетворяло больныхъ, искавшихъ болѣе интенсивной и активной помощи и облегченія своихъ страданій, то явилась цѣлая серія лечебныхъ средствъ въ формѣ различныхъ предметовъ, имѣвшихъ какое нибудь соприкосновеніе съ религіозными и святыми людьми христіанскихъ общинъ. Такъ въ дѣяніяхъ апостоловъ (гл. 19, ст. 12) мы читаемъ: „на больныхъ возлагали платки и опоясанія въ тѣло его и у нихъ прекращались болѣзни“. Даже тѣнямъ проходившихъ святыхъ угодниковъ приписывалось особенное цѣлебное дѣйствіе. Въ исторіи апостоловъ (гл. 5, ст. 15—16) разсказывается, что выносили больныхъ на улицы и полагали на постеляхъ и кроватяхъ, дабы хоть тѣнь проходящаго св. Петра осянула кого-нибудь изъ нихъ. Сходились также въ Іерусалимъ многіе изъ окрестныхъ городовъ, неся больныхъ

и нечистыми духами одержимыхъ, которые исцѣлялись всѣ.

Съ нашей современной точки зрѣнія, приведенная только что духовная терапія болѣзней не представляла бы собою особенно страннаго и предосудительнаго. Но эта психо-терапія въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи получила весьма уродливое направленіе и безсмысленный характеръ послѣ того, какъ она сдѣлалась элементомъ культа мертвыхъ и тѣней усопшихъ и осложнилась пѣлой массой разнообразныхъ мистически-суевѣрныхъ способовъ и приѣмовъ врачеванія.

Дѣло въ томъ, что это враждебное отношеніе къ свѣтской медицинѣ со стороны молодого христіанства отчасти произошло подъ вліяніемъ господствовавшего направленія мысли въ тогдашнюю эпоху. Ученіе о божествахъ низшаго порядка какъ разъ въ это время особенно сильно властвовало надъ умами вездѣ и повсюду по всему Востоку. Тогдашняя нео-Пифагорова и нео-Платоническая философія вездѣ и повсюду во всѣхъ явленіяхъ окружающей природы приписывала вліянію неземныхъ существъ или демоновъ. Фантастическое представленіе о демонизмѣ нашло главнымъ образомъ свое примѣненіе при объясненіи болѣзненныхъ процессовъ, происходящихъ въ организмъ человѣка. Даже самыя ученые и богобоязненные отцы церкви были искренними приверженцами этого мистическаго воззрѣнія и среди ученыхъ первыхъ вѣковъ христіанства весьма рѣдко встрѣчаются писатели, которые бы не посвящали подробныхъ разсужденій по вопросу о демонахъ и о вліяніи ихъ на человѣка. Это *credo* въ демоновъ, носившее на себѣ отпечатокъ эпидемическаго психоза, настолько укоренилось въ христіанскихъ общинахъ, что даже увѣровали въ то, что злые духи переселяются преимущественно въ душу христіанина, чтобы подорвать и побороть въ немъ ученіе Христа. Но и на этомъ не останавливались и стали дальше утверждать, что не только бѣснованіе или кликушество, но что вообще всѣ болѣзни происходятъ у человѣка при участіи демона. Такимъ образомъ болѣзнь и злой духъ представлялись неразлучными между собою спутниками.

Само собою разумѣется, что при подобныхъ этиологическихъ воззрѣніяхъ и представленіяхъ о сущности патологическихъ процессовъ, никому въ голову не могла прійти мысль о томъ, что какія-либо лекарства могутъ помочь больному и могли бы имѣть-какой либо цѣлебный эффектъ на посе-

лившагося демона, противъ котораго могутъ только дѣйствовать молитвы и заклинанія. Такъ какъ потребность въ такомъ леченіи все больше и больше распространялась, то вынуждены были назначать особыхъ должностныхъ лицъ, на которыхъ возлагалась обязанность специально заниматься изгнаніемъ у больныхъ злыхъ духовъ, т. наз. экзорцистовъ. Званіе это, какъ отголосокъ стараго времени, даже сохранилось до нашихъ дней въ Римско-Католической церкви; священническій санъ 3-го разряда называется у католиковъ экзорцистомъ. Таково было отношеніе къ медицинѣ въ первомъ періодѣ среднихъ вѣковъ и въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Но приведенное отношеніе къ свѣтской медицинѣ въ концѣ концовъ все таки не удержало за собою полной побѣды. Несмотря на то, что извѣстныя свѣтила церкви, какъ напримѣръ св. Венедиктъ (480—540), поддерживали такое направленіе, все таки нашлось не мало сознательныхъ христіанъ, которые иначе стали относиться ко врачебному искусству. Кромѣ того, среди новообращенныхъ христіанъ насчитывалось много учениковъ, занимавшихся по книгамъ языческихъ врачей: Гиппократъ, Галенъ, Аретей Кападокскаго и другихъ. Эти ученики весьма ревностно стали пропагандировать въ христіанскихъ общинахъ свои врачебныя свѣдѣнія. Многіе изъ духовныхъ лицъ, познакомившись по Галену съ классической медициной, стали ее также утилизировать на практикѣ. Такъ напримѣръ, Римскій Папа Евсевій (310), какъ сынъ греческаго врача, будучи преданъ отцовскимъ традиціямъ, не переставалъ и на епископскомъ креслѣ интересоваться свѣтской медициной. Многія другія высокопоставленные духовныя лица проповѣдывали и писали по вопросамъ, относящимся къ изученію естествознанія и свѣтской медицины. Извѣстный ученый своего времени греческій пресвитеръ Климентій Александрійскій (3 в.), бывшій язычникъ-философъ и принявшій христіанство, въ своемъ трудѣ, подъ заглавіемъ „Наставникъ (Pedagogus)“, не игнорировалъ и свѣтской медицины. Св. Базилій, епископъ Цезарійскій, и св. Амвросій, епископъ Майландскій, также интересовались медициной. Немецкій епископъ Эмесскій (5 в.) оставилъ сочиненіе, изъ котораго видно, что онъ обладалъ нѣкоторыми анатомо-физиологическими свѣдѣніями, конечно, въ духѣ тогдашняго времени. Человѣколюбіе и милосердіе, которыя проповѣдывались христіанской религіей, по отношенію къ немощнымъ и стражду-

шимъ, во многомъ содѣйствовали примиренію церкви со свѣтской медициной. Призрѣніе и уходъ за больными въ той формѣ, какъ это стало практиковаться въ монастыряхъ и христіанскихъ обителяхъ, представляли собою совершенно новое въ исторіи явленіе, которое не было извѣстно древнимъ дохристіанскимъ эпохамъ. При постоянномъ наблюденіи за страждущими выработались попутно и другія воззрѣнія и понятія о болѣзняхъ и ихъ ближайшихъ причинахъ. Даже самые ярые противники врачебнаго искусства, при близкомъ наблюденіи больныхъ, воочію убѣждались, что одними метафизическими приѣмами, какъ молитвами и накладываніемъ рукъ, далеко не всегда удается облегчать и уменьшать приступы страданія и поддерживать терпѣливость и выносливость болѣющихъ.

При постоянномъ обращеніи съ больными и при милосердномъ, въ чисто христіанскомъ духѣ, ухаживаніи за ними, суетвѣрное воззрѣніе о сверхъестественномъ, небесномъ происхожденіи болѣзней значительно ослабло и потеряло свое обаятельное значеніе. И въ этомъ отношеніи можно сказать, что христіанское ученіе весьма много повліяло на развитіе практической прикладной медицины по уходу за больными. Монастыри, гдѣ призрѣвались больные, мало-по-малу видоизмѣнялись и принимали характеръ госпиталей. Монахи въ своихъ сутахахъ и клобукахъ постепенно дѣлались наблюдательными врачами, разумѣется не профессиональными, но связанными обѣтомъ и клятвой служителями на помощь немощнымъ и страждущимъ. Монастырскія обители, куда со всѣхъ сторонъ стекалась масса больныхъ, жаждающихъ и алчущихъ исцѣленія, функционировали, какъ лечебные пункты, преимущественно только въ первомъ періодѣ среднихъ вѣковъ, въ періодѣ великаго переселенія народовъ, и сохранили свою роль въ дѣлѣ врачеванія до появленія высшихъ школъ свѣтской медицины.

Но особеннымъ религіозно-клерикальнымъ направленіемъ отличалось врачебное искусство въ теченіе продолжительнаго времени въ Восточно-Римской Имперіи. Попеченіе о немощныхъ и страждущихъ, которое проповѣдывалось христіанской религіей, нашло себѣ въ Византіи весьма широкое распространеніе въ формѣ обильнаго числа монастырскихъ больницъ и убѣжищъ. Религіозное движеніе, охватившее тогда всю Византійскую имперію, появленіе различныхъ религіоз-

ныхъ сектъ въ особенности Несторіанской, иконоборство, продолжавшееся больше 2-хъ столѣтій—все это окончательно вытѣснило изъ Византіи свѣтскую медицину въ лицѣ ея представителей изъ мірянъ. Остатки врачебныхъ знаній Греко-Александрійскихъ школъ, перенесенныя первоначально въ Византію странствующими греческими и отчасти арабскими врачами, не имѣли тамъ особеннаго успѣха и не получили широкаго распространенія въ населеніи. Свѣтскіе профессиональные врачи встрѣчались тамъ довольно рѣдко и то лишь въ царствующимъ и богатыхъ сферахъ. Преобладающій элементъ врачей-лечителей состоялъ изъ священниковъ и монаховъ. Всѣ госпитали и лечебныя учрежденія находились исключительно въ вѣдѣніи однихъ только духовныхъ лицъ. При монастыряхъ и обителяхъ существовали сады, гдѣ культивировались различныя лечебныя травы, которыя вмѣстѣ съ реликвіями преимущественно примѣнялись въ дѣлѣ леченія, и эта монашеская медицина держалась въ Византіи гораздо дольше, чѣмъ въ Западной Европѣ.

Начиная съ 9-го вѣка врачебное искусство нашло себѣ убѣжище и пріютъ, помимо монашескихъ обителей, въ высшихъ медицинскихъ школахъ. Первая школа, куда стекались ученики со всей юго-западной Европы для изученія врачебнаго искусства, была въ г. Салерно, въ Южной Италіи. По даннымъ одной исторической версіи школа эта будто-бы была основана представителями четырехъ народностей: Грекомъ, Еврейскимъ рабби, Латынщикомъ и Арабомъ. Замѣчательно то для тогдашней эпохи, что въ эту школу допускались и женщины для изученія медицины. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ до 13 столѣтія эта свободная свѣтская медицинская школа, носившая названіе *Civitas hyppocratica*, пользовалась огромной славой и большимъ авторитетомъ. Хотя съ 14-го вѣка слава этой школы померкла, но принципы ея и методы преподаванія остались руководящими для другихъ, вновь организованныхъ школъ въ Монпельѣ, Парижѣ, Болоньѣ, Падуѣ и другихъ мѣстахъ. Во всѣхъ высшихъ школахъ преподаваніе было на латинскомъ языкѣ и въ связи съ нимъ изучались также риторика, философія и логика по источникамъ древнихъ писателей. Въ Салернской школѣ курсъ продолжался 8 лѣтъ; первые 3 года учащіеся занимались вспомогательными науками, какъ: ариѳметикой, геометріей и астрологіей, а затѣмъ приступали къ специально-

му изученію медицины. Самая главная программная задача при преподаваніи медицины заключалась въ ознакомленіи слушателей съ твореніями Аристотеля, Гиппократа, Діоскорида, Плинія, Галена, а также и сочиненіями знаменитыхъ тогда арабскихъ врачей: Авиценна, Разеса и другихъ. Въ упомянутыхъ медицинскихъ школахъ функционировали уже одни свѣтскіе профессора и ихъ помощники, такъ наз. бакалавры. Профессора получали за свои лекціи гонораръ, а бакалавры должны были заниматься безмездно.

Изученіе медицины обыкновенно начиналось съ того, что излагались общія понятія о болѣзняхъ по сочиненіямъ классическихъ врачей, а затѣмъ уже излагались весьма скудныя свѣдѣнія по анатоміи и физиологіи и о различныхъ лекарственныхъ средствахъ. Профессора читали свои лекціи въ утренніе часы, а послѣ обѣда бакалавры штудировали со слушателями сочиненія Гиппократа и Галена. Анатомія изучалась большею частью по книгамъ и схематическимъ рисункамъ, а иногда надъ трупами животныхъ, преимущественно надъ трупами свиней. Для усовершенствованія врачей при высшихъ школахъ между профессорами и бакалаврами устраивались регулярно еженедѣльные засѣданія, на которыхъ происходили диспуты, по разнымъ научно-врачебнымъ вопросамъ. Эти диспуты нерѣдко носили на себѣ въ высшей степени смѣшной характеръ. Такъ напримѣръ, на этихъ диспутахъ трактовался вопросъ о томъ, былъ-ли у Адама пупокъ, и другія тому подобныя, схоластическаго характера темы. Въ лѣтнее время теоретическія занятія прекращались и бакалавры подъ руководствомъ профессоровъ занимались практическимъ леченіемъ больныхъ. Чтобы получить дальнѣйшія ученныя степени магистра и доктора, бакалавры должны были заниматься врачебной практикой въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, подъ контролемъ профессоровъ, а по истеченіи этого срока бакалавры могли приступить къ своему торжественному диспуту, по какому-нибудь врачебному вопросу, для полученія искомой ученой степени. При полученіи званія доктора требовались слѣдующія условія: безукоризненное поведеніе, *законорожденность* и здоровое тѣлосложеніе. Молодой, вновь произведенный въ званіе доктора, получалъ на торжественномъ актѣ четырехугольную баретку, кольцо и сочиненіе Гиппократа. Кромѣ того приобреталось

право шеголять въ длинной докторской мантіи. У профессоровъ эта мантія была краснаго цвѣта.

Подготовка средневѣковыхъ врачей къ своей практической дѣятельности состояла не въ различныхъ опытахъ и наблюденіяхъ надъ больными а сводилась, главнымъ образомъ, къ усердному педантическому книжному изученію различныхъ сочиненій древнихъ писателей. Изученіе это обыкновенно сопровождалось многими интерпретаціями, комментированіемъ и схоластическими сопоставленіями между различными выдержками изъ сочиненій авторитетныхъ древнихъ врачей. Этимъ книжнымъ буквоѣдствомъ были одержимы не только молодые врачи теоретики, но и старыя практиканты. Такъ напримѣръ, извѣстное тогдашнее врачебное свѣтило Разесъ выразился такъ, что гораздо важнѣе и полезнѣе изучать 1000 книгъ, чѣмъ наблюдать 1000 больныхъ. Наибольшимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ этихъ высшихъ школахъ пользовались сочиненія Гиппократъ, разработанныя потомъ Галеномъ. Гуморальная паталогія Галена была построена на теоріи древнихъ философовъ о 4-хъ первоначальныхъ элементахъ природы. Теорія эта служила главной основой для преподаванія въ медицинскихъ школахъ. На этой теоріи жиздилась извѣстная древняя гипотеза о существующихъ въ организмѣ 4-хъ кардинальныхъ сокахъ, какъ: кровь, слизь, желтая и черная желчь.

Гиппократъ поучалъ, что организмъ только тогда здоровъ, когда эти соки находятся въ нормальномъ и пропорціональномъ смѣшеніи. При нарушеніи же гармоніи въ этомъ смѣшеніи соковъ наступаетъ болѣзненное состояніе. На почвѣ этой теоріи было создано понятіе о 4-хъ темпераментахъ: меланхолическомъ, холерическомъ, сангвиническомъ и флегматическомъ. Сообразно этимъ темпераментамъ распредѣлялись всѣ лекарственныя средства, употреблявшіяся при леченіи больныхъ. Практическіе же приемы врачей у больныхъ состояли въ старательномъ щупаніи пульса и въ тщательномъ разсматриваніи мочи; но особенное значеніе придавалось уроскопії для діагностическихъ и прогностическихъ соображеній. За весь періодъ среднихъ вѣковъ уроскопія была постоянной и неизмѣнной спутницей врачей. На какое страданіе ни жаловался бы больной, врачи первымъ дѣломъ требовали его мочи, надо прибавить, для самаго безсмысленнаго обозрѣнія ея; такъ какъ тогда не было никакихъ намековъ

на знаніе ея химическаго состава. Въ средніе вѣка уроскопія играла такую же роль, какъ напрімѣръ въ наше время различныя зеркала, употребляемыя для діагностическихъ цѣлей. У хромыхъ, горбатыхъ, слѣпыхъ и вообще у всѣхъ больныхъ бралась моча. Весьма понятно, что эта бессмысленная уроскопія носила на себѣ скорѣе характеръ плутовства, шарлатанства и обмана.

Тогдашняя сатирическая живопись, повидимому, это также подмѣтила и всегда рисовала врачей въ длинной мантии и бареткѣ съ мочевымъ бокаломъ въ рукахъ. Бокалъ съ мочою обыкновенно разсматривался врачомъ противъ сіяющаго солнца съ особеннымъ ученымъ выраженіемъ и видомъ знатока. Насколько эта средневѣковая уроскопія была лишена всякой научной подкладки, видно изъ того, какъ профессоръ медицины въ Монпельѣ Арноль тъ Виланованусъ въ 1300 году поучалъ своихъ слушателей по этому вопросу. „Если при осмотрѣ мочи“, трактовалъ этотъ профессоръ, „ничего не можешь опредѣлить, то скажи, что у больного существуетъ обструкція печени. Если больной жалуется на головную боль, то ты долженъ ему сказать, что это происходитъ отъ обструкціи печени. Вообще старайся почаще употреблять слово *обструкція*, такъ какъ больные не понимаютъ его значенія. Для врача много зависитъ отъ того, когда больной не понимаетъ смысла и значенія употребляемыхъ словъ“.

Нельзя не замѣтить, что приведенный только что врачебный пріемъ, диктуемый средневѣковымъ профессоромъ, сохранился отчасти и въ наше время, если подумать о тѣхъ специальныхъ выраженіяхъ и терминахъ, которые то и дѣло врачаются на языкѣ широкой, совершенно не свѣдущей въ медицинѣ, публики, какъ: склерозъ, туберкулезъ, неврозъ, подагра и тому подобныя выраженія.

Если подобнаго рода методы преподаванія встрѣчались во времена средневѣковья въ высшихъ школахъ, то можно себѣ представить, какова была вообще въ эту эпоху медицина, которая тогда состояла только изъ однихъ комбинацій схоластическихъ мудрствованій и бесплодныхъ, полемическаго характера, толкованій.

Не взирая однако-жъ на полный застой и неподвижность во врачебномъ искусствѣ, врачи, получавшіе образованіе въ медицинскихъ школахъ, все таки пользовались въ средневѣковую эпоху до извѣстной степени уваженіемъ и почетомъ.

Академическое званіе завоевало себѣ тогда такую цѣнность, что во многихъ общественныхъ кругахъ считалось за честь имѣть въ своемъ родствѣ какого-нибудь магистра или доктора. Въ обычныхъ бесѣдахъ обывателей, если приводились ссылки на мнѣніе какого-нибудь академически-ученаго доктора, то этому мнѣнію придавалось особенный вѣсъ и значеніе въ смыслѣ авторитетности. Но при всемъ томъ однакожь среди тогдашней широкой публики очень молодые и юные, хотя бы и академическаго званія, врачи не пользовались одинаковымъ довѣріемъ наравнѣ со старыми врачами. Разница между старыми и молодыми врачами сказывалась въ особенныхъ поговоркахъ, циркулировавшихъ среди населенія Западной Европы. Такъ напримѣръ, юный врачъ назывался союзникомъ могильщиковъ и гробокопателей, или въ обществѣ часто говорилось, что юный врачъ прежде всего населяетъ три кладбища. Въ силу такого предвзятаго житейскаго понятія о значеніи возраста врачей при выполненіи ими своей профессиональной дѣятельности, во многихъ большихъ городахъ Западной Европы, при выборѣ и назначеніи врача на какую нибудь должность ставилось условіе, чтобы молодые врачи предварительно напрактиковались въ своемъ искусствѣ гдѣ нибудь въ маленькомъ поселкѣ для того, чтобы потомъ занять искомую должность. (Объ этомъ фактѣ сохранилось много документовъ въ средневѣковыхъ городскихъ архивахъ). Такая же оцѣнка врачей по возрасту сохранилась отчасти и въ нашемъ современномъ обществѣ только съ той разницей, что кромѣ *Salutionis Senectutis* широкая публика преклоняется также и предъ *модными* врачами.

Что же касается вообще положенія и роли профессиональныхъ врачей во 2-й половинѣ средневѣковья, то наибольшимъ уваженіемъ и почетомъ пользовались тогда только тѣ врачи, которые занимались исключительно леченіемъ внутреннихъ болѣзней. Эти же врачи вмѣстѣ со своимъ академическимъ титуломъ носили также рыцарское званіе и представляли собою нѣчто въ родѣ ученой касты. По распоряженію Карла 5-го отъ этихъ титулованныхъ врачей требовалось ношеніе золотой цѣпи на шеѣ и благородной дворянской одежды и также имѣть свой установленный гербъ. Весьма понятно, что эти ученые, франтоватые рыцари-врачи были весьма мало доступны простому бѣдному люду и крестьянину, которые не смѣли обращаться къ нимъ за лечеб-

ной помощью и предпочитали лучше пользоваться отъ своихъ недуговъ у близкихъ имъ по положенію простыхъ лечителей, или они искали помощи при посредствѣ грамотныхъ духовныхъ лицъ въ лечебникахъ. Одинъ изъ лечебниковъ сохранился со слѣдующимъ характернымъ названіемъ „Аптека для простолюдиновъ, которымъ не доступны практикующіе врачи“. При своемъ привилегированномъ общественномъ положеніи, ученые иеристики считали для себя недостойнымъ и даже унижительнымъ оказывать какую либо врачебную помощь, напоминающую собою хирургию. Парижскій медицинскій факультетъ, согласно эдикту Папы Иннокентія 3-го, въ 1350 г. установилъ для своихъ бакалавровъ присягу о томъ, что они въ своей врачебной практикѣ никогда не будутъ заниматься хирургіей. Этотъ антагонизмъ между внутренней медициной и хирургіей развился подъ давленіемъ представителей клерикализма, пользовавшихся абсолютнымъ авторитетомъ среди средневѣковаго общества. Еще раньше въ 1216 году Папа Гонорій 3-ій запретилъ духовнымъ лицамъ вообще заниматься врачебной профессіей, а въ особенности хирургіей, такъ какъ: *Ecclesia abhoret sanguinem*, а въ 1298 г. на епископскомъ соборѣ въ Вюрцбургѣ было запрещено духовнымъ лицамъ даже присутствовать при какой либо хирургической операціи. Это враждебное отношеніе со стороны церкви къ хирургіи, въ теченіе многихъ вѣковъ, создавало немалый тормазъ для дальнѣйшаго развитія одной изъ самыхъ реальныхъ и продуктивнѣйшихъ въ наше время отраслей врачебнаго искусства.

Такъ какъ среди широкихъ народныхъ массъ, а также въ кругу тогдашняго врачебнаго міра, хирургія считалась врачебной профессіей низшаго порядка, то она была предоставлена въ руки цирюльниковъ, пастуховъ, палачей и другихъ бродящихъ ремесленниковъ-знахарей. Только въ концѣ 16-го вѣка, вслѣдствіе постоянныхъ феодальныхъ междоусобій и продолжительныхъ войнъ на Европейской территоріи, какъ тридцатилѣтняя и крестьянскія войны, явился большой спросъ на хирургическое леченіе массы раненыхъ, встрѣчавшихся среди воюющихъ народовъ. Съ этого времени въ Западной Европѣ стали организоваться низшія хирургическія школы, гдѣ практикующіе хирурги нѣсколько обучались и подвергались нѣкоторому контролю и экзамену. Но эти экзамены едва ли приносили существенную пользу. Извѣст-

ный тогда профессоръ Альбрехтъ фонъ-Галлеръ простодушно и чистосердечно сознался въ томъ, что онъ, хотя обучаетъ и экзаменуетъ хирурговъ, но самъ никогда хирургическаго ножа и ланцета не держалъ въ рукахъ. Тѣмъ не менѣе однако-жъ въ одной изъ этихъ низшихъ школъ воспитывался знаменитый Амбруазъ-Паре, который значительно преобразовалъ тогдашнюю военно-полевую хирургию. Лечение огнестрѣльных ранъ носило тогда на себѣ весьма грубый, можно сказать, звѣрскій, мучительный характеръ. Огнестрѣльные раны почему то считались тогда ядовитыми и обливались кипящимъ масломъ, прижигались каленымъ желѣзомъ; ампутаціи производились калеными ножами. Ампутированные больные большею частью погибали скорѣе отъ способовъ леченія, чѣмъ отъ полученныхъ ранъ. Занимаясь на поляхъ сраженій, Амбруазъ-Паре выработалъ новыя воззрѣнія на природу огнестрѣльных ранъ и своими хирургическими приѣмами приобрѣлъ широкую извѣстность и сдѣлался камердинеромъ Карла IX. Королевскіе камердинеры тогда завѣдывали врачевнымъ дѣломъ при дворахъ и черезъ нихъ приглашались разные цирюльники и литотомисты ко двору. Даже каѳедры въ медицинскихъ школахъ назначались по ихъ указаніямъ. Заслуги Амбруазъ-Паре въ полевой хирургіи заключались въ томъ, что онъ ввелъ перевязку большихъ сосудовъ при ампутаціяхъ и этимъ значительно уменьшилъ число смертельныхъ исходовъ, вслѣдствіе сильныхъ кровотеченій при ампутаціяхъ. Выжидательный методъ леченія при пораненіяхъ также имъ введенъ. Благодаря успѣхамъ и популярности Амбруазъ-Паре, значеніе хирургіи замѣтно поднялось въ глазахъ публики и даже католическая церковь нѣсколько примирилась съ хирургіей. Какъ гуманистъ и весьма религіозный человѣкъ, Амбруазъ-Паре получилъ отъ папы хирургическую индульгенцію. Фактъ этотъ уже характеризуетъ, насколько хирургія низко цѣнилась въ тогдашнемъ обществѣ, что при выполненіи ея требовалось особенное церковное грѣхоотпущеніе.

Относительно вознагражденія профессиональныхъ врачей въ средневѣковую эпоху нельзя сказать, чтобы оно было правильно регулировано. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что врачевный гонораръ вообще, какъ одинъ изъ щекотливѣйшихъ вопросовъ врачевной этики, всегда и вездѣ во всѣ времена исторіи служилъ предметомъ обсужденія выдающихся

врачей и философовъ, какъ: Гипократа, Галена, Сенеки и другихъ мыслителей. Да и въ наше время вопросъ этотъ не можетъ считаться окончательно исчерпаннымъ. Достаточно припомнить тѣ различные взгляды и отношенія къ этому вопросу со стороны нашихъ извѣстныхъ профессоровъ минувшаго 19 столѣтія, какъ: Боткина, Захарьина, Манассеина, а также и врачей писателей: Чехова, Вересаева, Жбанкова и другихъ. Но мнѣ кажется, что до тѣхъ поръ, пока народное здравоохраненіе въ наилучшей его формѣ не станетъ на твердую почву и не приблизится къ своему этическому идеалу о безмездномъ врачеваніи всѣхъ безъ различія немощныхъ и страждущихъ, пока наша усовершенствованная, но за то *дорого* стоящая, медицина будетъ имѣть исключительно индивидуальное направленіе, приспособленное только къ обслуживанію состоятельныхъ классовъ, врачебное искусство останется еще долго предметомъ купли и продажи и вопросъ о врачебномъ гонорарѣ будетъ всегда вентилировать. Нельзя здѣсь, между прочимъ, не отмѣтить, что сформировавшіеся теперь у насъ *союзы* городовъ и земствъ въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ нынѣшней отечественной войны могутъ пожалуй считаться зародышемъ того высокаго идеала общественной медицины, о которомъ мечтали и мечтаютъ наилучшіе врачи.

Въ исторіи средневѣковой медицины сохранилось стихотвореніе, которое было въ большомъ ходу среди врачей со временъ Салернской школы и которое рисуется тогдашніе взгляды врачей на то, какъ имъ слѣдуетъ держаться по отношенію къ своимъ пациентамъ въ смыслѣ гонорара:

Dum aegrotus visitatur
 Dum processus ventilatur
 Cura te accipere
 Nam aegroto restituto
 Et processu absoluto
 Nemo curat solvere *).

*) Пока навѣщаешь больного и болѣзнь еще не разрѣшилась позаботься о полученіи гонорара, ибо съ выздоровленіемъ больной не думаетъ о вознагражденіи.

Правда, въ исторіи врачебнаго сословія описываются также отдѣльные случаи, когда врачи получали большіе гонорары. Такъ отецъ анатоміи Эразистратъ за излеченіе кронпринца у царя Селевкидовъ отъ болѣзни, происшедшей вслѣдствіе несчастной любви, получилъ 600000 сестерцій. Лейбъ-медикъ Императора Клавдія (54 г. п. Р. X.) получалъ годовое содержаніе въ 120000 сестерцій. Въ началѣ 9-го столѣтія п. Р. X. лейбъ-медикъ у Калифа Эль-Монтовсккиль Бахтшуа бэнъ Дшабриль былъ настолько богатъ, что онъ устраивалъ пиршества, на которыхъ было до 5 тысячъ сервированныхъ столовъ для приглашенныхъ гостей. Но все это происходило только у царствующихъ властителей, въ придворныхъ сферахъ. Обыкновенно же въ Римѣ, а также въ среднія вѣка, врачебное искусство оплачивалось не особенно щедро. Въ 13 столѣтіи извѣстный Римско-Германскій Императоръ Фридрихъ 2-й особенно интересовался врачебнымъ дѣломъ и издалъ законы, по которымъ установлена была такса для вознагражденія врачей. По этой таксѣ врачъ обязанъ былъ посѣщать больного 2 раза въ день и такой визитъ въ районѣ города оплачивался 60 пфенигами, что составляетъ приблизительно около 20 коп. „Если“, замѣчаетъ историкъ Баасъ, „принять во вниманіе, что стоимость главнѣйшихъ жизненныхъ продуктовъ была тогда въ 14 разъ дешевле, чѣмъ въ наше время, то этотъ гонораръ былъ больше той суммы, которая установлена въ нашихъ современныхъ страховыхъ рабочихъ кассахъ для уплаты врачамъ“. Въ Англіи въ средніе вѣка существовалъ обычай, что врачебный гонораръ подносился на тарелкѣ врачу при посѣщеніи больного. Если же гонораръ не подносился, то этимъ давали знать врачу, что его посѣщенія больше не желательны. Для характеристики врачебнаго гонорара во время реформаціи можетъ служить рекомендательное письмо Лютера своему курфюрсту относительно своего пріятеля врача д-ра Сигіо: „Практика этого врача“, пишетъ Лютеръ, „довольно скудна. Я самъ за многія оказанныя имъ услуги ничего не давалъ ему, кромѣ глотка пива“.

Если въ наше *просвѣщенное* время сплошь и рядомъ среди широкой публики безсиліе врачебной науки при многихъ болѣзненныхъ процессахъ нерѣдко вмѣняется въ личную отвѣтственность самыхъ врачей, то въ средневѣковую эпоху, подъ вліяніемъ тогдашняго невѣжества и суевѣрія,

ложное представлѣніе о роли врача по отношенію къ исходу болѣзней выражалось въ самой варварской формѣ и нерѣдко влекло за собою и порождало не мало грустныхъ для врачей событій. Такъ напримѣръ, еще въ 5 вѣкѣ Вестготскій король Теодорихъ издалъ цѣлый рядъ законовъ объ отвѣтственности врачей за исходъ болѣзней. По этимъ законамъ, когда приглашали къ больному врача, онъ обязанъ былъ положить залогъ, которымъ онъ ручался за выздоровленіе. Въ случаѣ неблагоприятнаго исхода болѣзни, врачъ не только не получалъ вознагражденія, но и лишался своего залога. По этимъ законамъ судьба пользовавшихся врачей при всякомъ смертельномъ исходѣ предоставлялась въ руки наслѣдниковъ, которые очень часто мстили врачу смертоубійствомъ. Подобные случаи чаще встрѣчались тогда, когда какое-нибудь высокопоставленное лицо отправлялось къ протцамъ послѣ сдѣланнаго ему кровопусканія. Впрочемъ, по отношенію къ отвѣтственности врачей часто вовсе не руководствовались никакими законами. Во время свирѣпствовавшей по всей Европѣ въ 6 вѣкѣ сильной эпидеміи умерла также и Бургундская королева, и всѣ пользовавшіе ее лейб-медики были тогда преданы смертной казни. Извѣстный калифъ Эльмануръ угостилъ своего врача—свѣтило тогдашней медицины—Разеса такими плетями, что тотъ послѣ перенесеннаго наказанія ослѣпъ. Въ 1337 году король Богемскій Іоаннъ обратился за помощью отъ своей глазной болѣзни къ знаменитому Бреславльскому окулисту; но такъ какъ ожидаемая помощь оказалась безрезультатной, то разсердившійся король приказалъ утопить этого врача въ Одерѣ. Даже въ началѣ 16-го столѣтія было печальное приключеніе съ однимъ Гамбургскимъ врачомъ Вейтесомъ, который былъ приглашенъ одной акушеркой для подачи помощи при трудныхъ родахъ. Но такъ какъ практикующимъ врачамъ тогда не разрѣшалось производить родовспомогательныя операціи, то Вейтесъ переодѣлся въ женскій костюмъ и сдѣлалъ акушерскую операцію, которая окончилась благополучно для роженицы и новорожденнаго. Но этотъ врачъ, повидимому, не считался съ предразсудками своихъ современниковъ, ибо, какъ только поступокъ этого врача сдѣлался извѣстнымъ, то его сожгли на кострѣ. Въ 1553 году извѣстный врачъ Serveto, который впервые открылъ легочное кровообращеніе, былъ сожженъ какъ колдунъ и еретикъ въ Женевѣ, во времена Кальвина.

Но особенное злополучіе обрушивалось на врачей при появленіи среди населенія повальныхъ болѣзней, которыя весьма часто свирѣпствовали въ средніе вѣка и сопровождались обыкновенно громадной смертностью, какъ напримѣръ, такъ называемая черная смерть, отъ которой, по увѣренію историковъ, погибло въ Европѣ 25 милліоновъ людей.

Вся профилактика и общественная гигиена сводились тогда только къ тому, что улицы и жилища помѣщенія выкуривались пахучими травами, но такъ какъ эти мѣры оказывались мало успѣшными, то не только среди суевѣрной народной массы, но и въ высшихъ правящихъ сферахъ отыскивались какіе-нибудь козлы отпущенія, на которыхъ можно было-бы взвалить причину общественнаго бѣдствія. Надъ этиологіей этихъ жестокихъ эпидемій не долго задумывались и причины ихъ появленія приписывались *семитамъ* и *врачамъ*, особенно когда эти воображаемые виновники эпидемій, — когда врачъ и семитъ совпадали въ одномъ и томъ же лицѣ и тогда-то съ особенной увѣренностью прибѣгали къ расправѣ съ ними въ формѣ мучительныхъ казней и сжиганія на кострахъ. Такъ въ 1161 году, по случаю сильной смертности среди населенія въ Прагѣ, было собрано 86 врачей-евреевъ и заживо были сожжены. Не взирая однако-жъ на враждебныя отношенія къ врачамъ-евреямъ, въ средніе вѣка нерѣдко встрѣчалось, что Римскіе Папы, какъ: Павелъ 2, Иннокентій VII и Бенедиктъ 13, а также и короли держали при себѣ лейбъ-медиковъ евреевъ, а въ первомъ періодѣ среднихъ вѣковъ врачи-евреи играли довольно видную роль; такъ какъ во время расцвѣта арабской медицины, еврейскіе врачи много способствовали распространію ея въ Западной Европѣ.

Въ древней дохристіанской Руси понятія и представленія о болѣзняхъ выражались также въ олицетвореніи бѣсовъ и злыхъ духовъ, переселяющихся въ организмъ человека. Жрецовъ-врачевателей тогда на Руси не было, но были старцы или калики переходящіе, которые занимались врачеваніемъ. По сказаніямъ древнихъ былинъ, Илья Муромецъ тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ и вылечился этими старцами. По древнимъ лѣтописямъ видно, что на Руси долго существовали волхвы, кудесники, вѣдуны и вѣдуньи, которые, по народнымъ суевѣрнымъ понятіямъ, были посредниками между человекомъ и таинственными силами природы, умѣли наводить на

людей немочь, а также избавлять ихъ отъ разныхъ болѣзней. Мѣстомъ пребыванія этихъ колдуновъ-чародѣевъ служили преимущественно дремучіе лѣса, куда народъ ходилъ искать помощи и спасенія отъ своихъ недуговъ. Съ введеніемъ на Руси христіанства, перенесеннаго изъ Византіи, стали возникать также и другія воззрѣнія на дѣло врачеванія болѣзней. Леченіе больныхъ и уходъ за ними нашли себѣ такъ-же, какъ въ Византіи, особенное попеченіе подъ стѣною монастырской, а именно въ Кіево-Печерской обители. Первые иноки этого монастыря, переселившіеся съ Аѳонской горы, перенесли съ собою нѣкоторыя традиціонныя врачебно-эмпирическія знанія съ примѣсю элементовъ греческой и, процвѣтавшей въ эту эпоху, арабской медицины. Печерскій патерикъ передаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о монахахъ-подвижникахъ, прославившихся въ Печерскомъ монастырѣ своимъ врачебнымъ искусствомъ. Особенно упоминается о преподобномъ Антоніи и объ ученикѣ его преподобномъ Агапитѣ, который назывался вездѣ безмезднымъ врачомъ. Первые монахи-врачи на Руси, хотя сами не были свободны отъ мистическаго вѣрованія въ существованіе бѣсовъ, все таки вели ожесточенную борьбу съ волхвами и кудесниками. Древніе русскіе князья, проникнутые рвеніемъ къ новой вѣрѣ, проявляли особенную заботливость и особенное попеченіе по дѣлу призрѣнія немощныхъ. Монашеская медицина нашла въ ихъ лицѣ своихъ покровителей. Такъ напримѣръ, по церковному уставу Владиміра св. больницы причислялись къ церковнымъ учрежденіямъ, а врачи считались людьми церковными. Профессіональных врачей изъ мірянъ на Руси долго не было. По даннымъ, собраннымъ историкомъ Рихтеромъ, встрѣчались единичные случайные врачи, какъ напримѣръ Петръ Сиріанинъ въ 12 столѣтіи, но въ лѣтописяхъ за время удѣльно-вѣчеваго періода и татарскаго ига не имѣется подробныхъ свѣдѣній о томъ, были-ли вообще какіе-нибудь врачи изъ мірянъ съ какимъ-нибудь врачебнымъ образованіемъ, или просто самозванные знахари-самоучки. Правда, при вступленіи Россіи въ сношеніе съ Западно-Европейскими государствами явились въ Россіи иностранные врачи, но они только приглашались въ исключительныхъ случаяхъ для царей и придворныхъ сферъ. Но все врачебное дѣло въ странѣ находилось еще въ вѣдѣніи духовенства и монаховъ. Первые иностранные врачи явились при дворѣ Іоанна 3-го въ концѣ

15-го столѣтія. Первый изъ нихъ былъ Антонъ Нѣмчинъ, а другой Леонъ Жидовинъ. Судьба этихъ врачей кончилась весьма печально: они были казнены вслѣдствіе неудачнаго исхода болѣзней у пользовавшихся ими больныхъ.

Фактъ этотъ разсказывается лѣтописцемъ слѣдующимъ образомъ: „И того же лѣта врачъ нѣкій Нѣмчинъ Антонъ пріѣхалъ къ Великому Князю Іоану Васильевичу, его же въ велицей чести держалъ Великій Князь, врача же князя Каракучу царевича Даньярова, да умори его смертнымъ зельемъ на посмѣхъ. Князь же Реликій выдалъ его сыну Каракучеву, онъ же мучивъ его хотѣ на окупъ дати. Князь же Великій не повелѣ, но повелѣ его убить, они же сведше его на Москву рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали его ножомъ какъ овцу“.

Въ 1490 году пріѣзжаетъ ко двору другой врачъ изъ Венеціи мастеръ Леонъ Жидовинъ и этотъ врачъ недолго практиковалъ. Сынъ великаго князя Іоаннъ Іоанновичъ заболѣлъ ломотой въ ногахъ (камчюгомъ). Врачу Жидовину вѣрно было лечить его. Больной не перенесъ болѣзни и умеръ. Расправа князя Іоанна III съ врачомъ была коротка; его посадили въ тюрьму и по истечении сорока дней послѣ кончины князя Іоанна свезли на Болвановку и отрубили ему голову.

Но эти казни за неудачное леченіе не устрашали однако-жь иностранныхъ врачей и въ дальнѣйшемъ періодѣ, уже въ 17 столѣтіи во времена первыхъ царей Дома Романовыхъ число иностранныхъ свѣтскихъ врачей стало замѣтно увеличиваться и распространяться на Руси. Мягкость, доброта, благодушіе и другія благородныя черты, которыя по характеристикѣ историка Соловьева, были свойственны царямъ Михаилу Феодоровичу и Алексѣю Михайловичу, производили обаятельное вліяніе на иностранныхъ врачей и они съ особенной охотой и рвеніемъ стремились попасть на практику въ Россію, предпочитая послѣднюю своей родинѣ. Конечно, не какая-нибудь культурная миссія или просвѣтительная пропаганда врачебныхъ знаній руководили и толкали этихъ профессиональныхъ врачей въ Россію. Ихъ, главнымъ образомъ, привлекали и прельщали обильные гонорары, богатые и пышныя подарки, приемы и почести, которые сыпались щедрой рукой со стороны парствующихъ особъ и вельможъ. На Западѣ Европы въ это время, благодаря нѣкоторымъ успѣхамъ ренессанса и зародившемуся скептицизму, авторитетъ лечеб-

но-схоластическихъ доктринъ былъ нѣсколько поколебленъ. Безсодержательная уроскопія, повальные кровопусканія, пургативы и другіе бессмысленные приемы не производили уже на Западѣ того эффекта, какой они завоевали себѣ во вновь строящемся Русскомъ государствѣ, гдѣ еще въ то время преобладала церковная медицина. Царь Алексѣй Михайловичъ усердно вѣрилъ въ свѣтскую медицину. Страдая тучностью, онъ получилъ облегченіе отъ кровопусканія, сдѣланнаго ему однимъ нѣмецкимъ *доктуромъ*, и онъ этотъ лечебный приемъ рекомендовалъ всѣмъ своимъ вельможамъ.

Со 2-ой половины 15 и на поворотѣ 16 вѣка въ связи съ возрожденіемъ классической культуры, когда идеи гуманизма стали распространяться изъ Италіи широкой волной по различнымъ странамъ Европы, наступаетъ также поворотъ и во врачебномъ мышленіи. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ піонеровъ возрожденія гуманизма, какъ Петрарка Рейхлина, фонъ-Гуттена, Эразма Роттердамскаго, среди представителей врачебнаго искусства явились также новые дѣятели, способствовавшіе умственному движенію и во врачебномъ познаніи. Мумификація врачебныхъ идей и воззрѣній, крѣпко скованныхъ схоластикой въ теченіе 14 вѣковъ, стала разрушаться съ появленіемъ во врачебномъ мышленіи элементовъ скептицизма и критическаго анализа по отношенію къ стойкимъ и застывшимъ врачебнымъ теоріямъ и традиціямъ средневѣковья. Благодаря открытію книгопечатанія, ученые получили возможность изучать классическую греческую медицину не по толкованіямъ средневѣковыхъ арабскихъ комментаторовъ, а по первоисточникамъ классической Гиппократовской медицины.

Наиболѣе яркимъ и озлобленнымъ антагонистомъ тогдашней медицины былъ Петрарка. Хотя онъ самъ специально не изучалъ ея, но онъ впервые ясно опозналъ, что вся ученость, которая создавалась средневѣковой схоластикой, представляла собою безобразную кучу умственныхъ отбросовъ, не имѣвшихъ въ себѣ ни одного зерна и ни одной искры истинной правдивой науки. Петрарка говоритъ, что врачи и астрологи одинаковые шарлатаны и занимаются лживымъ ремесломъ; имъ же слѣдовало сознаваться въ своемъ невѣжествѣ, но они злоупотребляютъ легковѣріемъ и любовью къ жизни глупой толпы, которая относится съ уваженіемъ къ ихъ таинственнымъ приемамъ и словамъ. Вошедшія тогда въ особенную

славу академическія званія и ученія степени магистра и доктора Петрарка осмѣиваетъ съ особенной ѣдкостью: „и эти громкіе ученые титулы,“ говоритъ онъ, „превращаютъ глупцовъ въ кичливыхъ и воображаемыхъ мудрецовъ“. Далѣе онъ говоритъ, что эти люди смотрятъ на науку, какъ на продажный товаръ и какъ на средство для добыванія денегъ. Петрарка былъ тогда настолько популяренъ, что его издѣвательство надъ тогдашними врачами имѣло извѣстный успѣхъ и, пожалуй, отчасти пригодилося бы и для нашего просвѣщеннаго времени.

До наступленія ренесанса анатоміей занимались въ самой примитивной формѣ только странствующие хирурги и практики. Высокопоставленные академическіе лейбъ-медики считали для себя даже унижительнымъ заниматься этой отраслью врачебнаго знанія. Съ появленіемъ знаменитыхъ въ то время анатомовъ Везалія, Фаллопія и Евстахія и основателя, можно сказать, физиологіи — Гарвея, наступила новая эра и новое теченіе во врачебномъ искусствѣ.

Ученые эти своими капитальными научными трудами пробили брешь въ ту схоластическую крѣпость, которая сковывала медицину со временъ Галена. Своимъ сочиненіемъ *De corporis humani fabrica* своимъ преподаваніемъ и своей талантливой демонстраціей анатомическихъ препаратовъ, Везалій возбуждалъ у своихъ слушателей энтузіазмъ и сознательную потребность въ анатомическихъ занятіяхъ. Своими реальными знаніями онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе и Венеціанская республика сдѣлала его профессоромъ въ Падуанскомъ университетѣ на 23 году жизни, а затѣмъ онъ былъ приглашенъ въ лейбъ-медики Карла 5-го и его наслѣдника Филиппа. Ревностное стремленіе къ анатомическимъ знаніямъ не останавливало даже Везалія и его восторженныхъ учениковъ отъ хищенія труповъ на кладбищахъ и труповъ казненныхъ преступниковъ на висѣлицахъ для упражненія въ анатомическомъ препарированіи. Но научныя увлеченія Везалія не послужили ему въ пользу и конецъ его жизни былъ весьма трагиченъ. Среди современныхъ ему фанатиковъ и мракобѣсовъ и даже между тогдашними цеховыми учеными, называвшими Везалія Лютеромъ анатоміи, Везалій имѣлъ много недоброжелателей, завистниковъ и враговъ. Анатомическія сочиненія Везалія съ помощью разныхъ интригъ были по распоряженію Карла 5 переданы въ цензуру инквизиціи на разсмотрѣніе богослововъ для рѣшенія

вопроса о томъ, могутъ ли католики заниматься сѣченіемъ труповъ. Въ результатъ получилось то, что Везалій сжегъ свои рукописи, сложилъ съ себя званіе профессора и совершилъ паломничество въ Іерусалимъ, чтобы смыть свое преступленіе, состоявшее въ занятіи анатоміей. На обратномъ своемъ путешествіи Везалій погибъ во время кораблекрушенія.

Ученикъ Везалія Фаллопій работалъ въ духъ своего учителя и пользовался славой еще болѣе точнаго анатома. Но Фаллопій запятналъ свое имя тѣмъ, что онъ производилъ свои опыты надъ живыми преступниками, осужденными на смертную казнь. Гиртль по этому поводу замѣчаетъ, что, если бы въ наше время преступниковъ отдавали-бы на жертву для фізіологическихъ экспериментовъ, то и теперь нашлись бы такіе фанатики науки, какъ Фаллопій.

Еще большее значеніе въ исторіи медицины должно быть признано за эпохальнымъ открытіемъ Гарвея. Своими продолжительными опытами на животныхъ и наблюденіями надъ людьми, Гарвей окончательно опровергъ царившую съ давнихъ временъ въ умахъ врачей абстрактную теорію о сосудистой пневмѣ, безповоротно установилъ физико-механическую роль въ артеріально-венозной системѣ и конкретно выяснилъ функціональную дѣятельность сердца и кровеносныхъ сосудовъ. Французскій историкъ медицины Darmberg съ особеннымъ воодушевленіемъ выражается объ открытіи кровообращенія: „Voici Harvey! Comme au jour de la création le chaos se débrouille, la lumière se sépare de ténèbres“.

„Этотъ Гарвей“, говоритъ онъ, „точно какъ во дни творенія сѣумѣлъ изъ темнаго хаоса выдѣлить и создать свѣтъ“. Далѣе онъ замѣчаетъ: „то, что великіе умы Кеплера, Коперника, Ньютона открыли для макрокосмоса, Гарвей сдѣлалъ для выясненія микрокосмоса“. Но это новое ученіе, однако, не нашло себѣ сразу полного признанія со стороны тогдашнихъ книжныхъ ученыхъ, цѣпко державшихся за свои традиціонныя воззрѣнія. Растрепованное сонливое врачебное мышленіе ополчилось тогда противъ новаго ученія, и на Гарвея посыпались насмѣшки и упрёки, называли его циркуляторомъ и бездарнымъ крикуномъ. Нашлись даже такіе оппоненты, которые разными толкованіями утверждали, что ученіе Гарвея совершенно лишнее, такъ какъ оно было уже извѣстно мудрому Соломону, Китайцамъ и вышеупомянутому мною епископу Немезію.

По имѣющимъ историческимъ даннымъ Гарвей потерялъ свою большую практику, которой онъ пользовался первоначально среди широкихъ слоевъ населенія. Но самъ Гарвей былъ такъ убѣжденъ въ правдивости своего открытія, что даже избѣгалъ и уклонялся отъ всякой полемики со своими противниками.

Слава только что названныхъ врачебныхъ мыслителей одно время имѣла нѣкоторый успѣхъ и ихъ стали приглашать ко дворамъ государей въ качествѣ врачей, но эта милость властителей не долго удержалась и вскорѣ мѣста этихъ ученыхъ наблюдателей замѣщались астрологами и алхимиками.

Заканчивая свою рѣчь, я глубоко извиняюсь предъ почтеннымъ собраніемъ въ томъ, что я утомилъ Ваше вниманіе перечисленіемъ цѣлаго ряда фактовъ изъ сѣдой старины, давно пережитой врачебнымъ искусствомъ и его представителями. Но при этомъ не могу не прибавить, что при изложеніи приведенныхъ, хотя весьма отрывочныхъ историческихъ данныхъ, невольно напрашивается мысль о томъ, не сохранилось-ли въ наслѣдіе и нашему современному врачебному міру кое-что изъ тѣхъ *дефектовъ, ошибокъ и заблужденій*, которые были присущи древней и средневѣковой медицинѣ. Для освѣщенія этого вопроса необходимо требуется болѣе подробный критическій разборъ многообразнаго строя нашей сложной современной жизни, но я лишь позволю себѣ отмѣтить, что современная медицина, благодаря колоссальному развитію различныхъ вспомогательныхъ естественно-научныхъ дисциплинъ, стремится теперь все болѣе и болѣе къ тому, чтобы принимать характеръ точной науки. Большинство современныхъ работниковъ въ области врачебнаго познанія направляетъ всю свою научную энергію главнымъ образомъ къ тому, чтобы включить медицину въ циклъ естественно-научныхъ знаній, основанныхъ на строго-объективныхъ опытахъ и наблюденіяхъ. Тѣмъ не менѣе однако-жъ, несмотря на такое направленіе, еще окончательно не вырѣшенъ вопросъ о томъ, можетъ-ли современная медицина и теперь также считаться искусствомъ, на подобіе тому, какъ это было въ прежнія эпохи. Изъ исторіи мы знаемъ, что въ древнихъ классическихъ школахъ Асклепіадовъ медицина считалась только искусствомъ. Гиппократъ въ своей врачебной присягѣ называетъ медицину самымъ почетнымъ искусствомъ. По остроумному объясненію историка Гезера высо-

кая оцѣнка врачебнаго призванія. у Грековъ обязана тому факту, что у нихъ принципъ сохраненія человѣческаго здоровья въ полномъ гармоническомъ равновѣсіи считался наивысшимъ жизненнымъ идеаломъ. Поэтому медицина, какъ занимающаяся восстановленіемъ гармоническаго здоровья и физической красоты, считалась тогда однимъ изъ торжествующихъ искусствъ. Но помимо этого идеальнаго объясненія въ самой, такъ сказать, техники, въ реальномъ выполненіи врачебнаго умѣнья сказывались тогда больше всего элементы искусства, такъ какъ діагностика болѣзней древней классической медицины вращалась исключительно въ сферѣ однихъ только признаковъ и симптомокомплексовъ cadaго даннаго заболѣванія, безъ всякихъ анатомическихъ и физиологическихъ основъ. Въ силу этого леченіе больныхъ при одномъ только сопоставленіи и комбинированіи симптомовъ болѣзней представляло собою дѣйствительно особенное искусство. Что же касается средневѣковой медицины, то она оставалась долго на буксирѣ Греко-Римскихъ ученій и не только не усовершенствовала врачебнаго искусства, но своимъ схоластическимъ буквоедствомъ и мистическимъ суевѣріемъ деградировала его. Средневѣковая эпоха, при своемъ игнорированіи изученія законовъ природы и окружающей среды, лишила медицину ея Гиппократовской импозантности и придавала врачебному призванію ложную и уродливую форму. Въ новѣйшее же время, съ развитіемъ и ростомъ различныхъ естественно-научныхъ пріемовъ и методовъ изслѣдованія, медицина, какъ наука, уже больше не нуждается въ той интуиціи и тѣхъ острыхъ, если можно такъ выразиться, молибенозныхъ абстрактныхъ комбинаціяхъ, которыя предъявлялись въ прежнее время врачебному дѣлу. Медицина, какъ искусство, мало по малу теряетъ уже свое прежнее значеніе. Современное индуктивное мышленіе требуетъ прежде всего для средняго уровня врачебной дѣятельности какъ можно больше знаній и знаній положительныхъ и строго-научныхъ. Только тѣ врачи, которые вооружены истинными положительными знаніями, могутъ отвѣчать требованіямъ современнаго врачебнаго призванія.

Правда, и въ новѣйшія эпохи среди массы врачебныхъ работниковъ насчитываются также выдающіеся художники—врачи, которые при своемъ всеобъемлющемъ знаніи обладали также богатой врачебной интуиціей и искусной талантливостью.

вой находчивостью и продуктивностью, какъ напимѣрь: Гельмгольцъ, Пастеръ, Пироговъ, Листеръ, Бильротъ, Шарко, Грефе, Вирховъ и другіе. Но эти даровитые врачебные инициаторы принадлежатъ къ рѣдкимъ, можно сказать, феноменальнымъ явленіямъ, которыя не особенно щедро и не такъ обильно творятся природой.

Е. М. Идельсонъ.

Литература.

При составленіи предыдущей рѣчи авторъ пользовался слѣдующими литературными источниками:

1. Neuburger M. Geschichte der Medizin. Stuttgart 1911.
2. Baas. I. Geschichtliche Entwicklung des ärztlichen Standes. Berlin 1896.
3. Guardia I. M. Исторія Медицины. Переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Дохмана Казань 1892.
4. Ветхій Завѣтъ.
5. Новый Завѣтъ.
6. Дѣянія святыхъ апостоловъ.
7. Еврейская энциклопедія, Петроградъ 1913.
8. Ковнеръ. С. Исторія медицины. Кіевъ 1883.
9. Haeser. H. Lehrbuch der Geschichte der Medizin und der epidemischen Krankheiten Jena 1881.
10. Holländer. E. Die Karikatur und Satire in der Medizin. Stuttgart 1905.
11. Magnus. H. Kritik der medizinischen Erkenntnis. Breslau. 1904.
12. Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи. Москва. 1820.
13. Гиртль. Анатомія человѣка С. Петербургъ. 1860.
14. v. Sudhoff K. Dr. Hygienische Gedanken. Deutsche Revue 1911 Oktober.
15. Загоскинъ Н. П. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Казань 1891.
16. Neuburger M. und Pagel. I. Handbuch der Geschichte der Medizin Iena 1903.
17. Peters. H. Der Arzt und Heilkunst. Leipzig 1900.